

В. В. БЕЛЯКОВ

РУССКИЕ СОЛДАТЫ
В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

1940 – 1945 гг.

Эль-Аламейн

Неизвестные
страницы
войны

Владимир Беляков

**Русские солдаты в
Северной Африке (1940–
1945 гг.). Эль-Аламейн:
неизвестные страницы войны**

«Алетейя»

2017

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

Беляков В. В.

Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945 гг.). Эль-Аламейн: неизвестные страницы войны / В. В. Беляков — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906980-08-3

Книга доктора исторических наук В. В. Белякова основана на уникальных материалах, которые он почти тридцать лет собирал в странах Северной Африки и российских архивах, и восстанавливает неизвестные страницы Второй мировой войны. Читатели узнают о судьбах советских военнопленных, переброшенных в Африку для вспомогательных работ в тылу итало-немецких войск, об участии русских эмигрантов в борьбе с фашизмом на севере «черного континента», о репатриации освобожденных союзниками из плена в Италии красноармейцев на родину через Египет. Живой рассказ в жанре расследования ведется на фоне истории североафриканской кампании, мало известной российскому читателю, и описания обстановки того времени в странах Северной Африки глазами наших соотечественников.

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-906980-08-3

© Беляков В. В., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Глава первая	6
До Эль-Аламейна	7
Эль-Аламейн	10
После Эль-Аламейна	14
Глава вторая	16
Под бомбами фашистов	17
Александрия в огне	21
Нежданная находка	24
Командировка в Египет	26
Прифронтовая столица	27
Бросок на танке	29
Эль-Аламейн. Операция «Лайтфут»	30
Глава третья	32
Дневник священника	33
«Московы» на берегах Нила	35
Чужая война	37
Первые испытания	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Беляков

Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945 гг.) Эль-Аламейн: неизвестные страницы войны

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, невелика по объему. Но чтобы написать ее, мне потребовалось тридцать лет. Тридцать лет кропотливых поисков в Египте и Ливии, в Тунисе и на Украине, в российских архивах и в литературе о Второй мировой войне. Я переписывался с ветеранами из республик бывшего Советского Союза, Канады и Франции, Англии и Новой Зеландии. Не раз мои поиски заходили в тупик. Но, к счастью, вскоре всегда появлялась новая ниточка, за которую можно было не без надежды на успех потянуть, чтобы добыть новую крупицу информации о наших соотечественниках, оказавшихся волею судеб в Северной Африке в годы жесточайшей в истории войны.

А начались мои поиски летом 1987 года. В ту пору я работал в Каире корреспондентом газеты «Правда». Толчком послужило письмо из Москвы от коллеги-арабиста Вячеслава Афанасьева. В конверт была вложена вырезка из газеты «Советская Россия» от 21 июня. Небольшая заметка за подписью «А. Новоточинов» называлась «Это не миф, а забытая правда». Приведу ее с небольшими сокращениями.

«Держу в руках фотографию, которую сделал Н.Н. Степанов, корреспондент АПН в Алжире. На обелиске высечены звезда и подпись: “И. Остапченко – советский солдат, июнь 1943-го”. Кто он, советский солдат, похороненный на военном английском кладбище Дели Ибрахим? До сих пор не было сведений о том, что в составе 8-й английской армии во время североафриканской кампании против Роммеля сражались советские солдаты!»

Правда, еще в начале 50-х годов советский писатель Сергей Александрович Борзенко, работая корреспондентом “Правды”, случайно узнал, что в 1942 году против полчищ Роммеля бок о бок с англичанами сражались советские бойцы. Они бежали из немецкого плена в первые годы войны и, каким-то образом переправившись через Ла-Мани, попали в Англию.

Работая в Индии, Борзенко встречался с английским отставным генералом Клодом Окинлеком, бывшим командующим 8-й армией в Египте. Из рассказов генерала стало ясно: русские в английской армии – не миф, а забытая правда...»

Афанасьев знал, что журналистское расследование – мой любимый жанр, что есть у меня и академическая подготовка: еще в 1977 году я защитил кандидатскую диссертацию по истории. Да и время было такое, перестройка, когда много чего неизвестного ранее всплывало на поверхность – или вытаскивалось на свет божий из пыльных углов. «Может, съездишь в Эль-Аламейн, поищешь там следы наших?» – писал мне Слава.

Родился я через пять лет после Великой Победы, но мой отец, полковник Советской Армии, прошел всю войну, заслужив дюжину орденов и медалей. Я рос под рассказы отца и его боевых друзей о Великой Отечественной войне, и, казалось, сам имел к ней какое-то отношение. Не принять предложение Афанасьева я просто не мог.

И я отправился в Эль-Аламейн.

Но прежде, чем рассказать о том, что я там нашел, напомним основные этапы североафриканской кампании, а заодно приведу свидетельства наших соотечественников, находившихся в это время в Египте.

Глава первая

До и после Эль-Аламейна

Эль-Аламейн – маленькое местечко в пустыне на берегу Средиземного моря, в ста километрах к западу от Александрии. Два десятка домиков, бензоколонка, ресторанчик... Казалось бы, делать там чужестранцу совершенно нечего. И тем не менее почти каждый день останавливаются в Эль-Аламейне туристические автобусы. Потому что в годы Второй мировой войны это место стало знаменитым, и по сей день оно хранит зримые следы драматических событий 75-летней давности.

Поздней осенью 1942 года возле Эль-Аламейна, в песках, зажатых между морем и непроходимой Каттарской впадиной, шло кровопролитное сражение. Войска союзников по антигитлеровской коалиции перешли от обороны к наступлению и разгромили германо-итальянский экспедиционный корпус под командованием фельдмаршала Роммеля.

О военных действиях в Северной Африке в годы Второй мировой войны россияне знают обычно не так много: да, воевали там союзники, разбили войска «оси», не дали фашистам перехватить у Англии и Франции их арабские колонии, установить контроль над Суэцким каналом... Немного помогли и нам, ведь если бы не было североафриканского театра военных действий, то завязшие там фашистские войска были бы наверняка переброшены на восточный фронт. А в общем, не те задачи, не те масштабы.

Иное дело на Западе. Для союзников битва при Эль-Аламейне стала едва ли не крупнейшим сражением всей войны. По мнению тогдашнего британского премьера Уинстона Черчилля, эта битва «повернула вспять ход войны». Слова эти, кстати говоря, выбиты на фасаде мемориала союзников в Эль-Аламейне. Фельдмаршал Бернارد Монтгомери, командовавший при Эль-Аламейне войсками союзников (они были сведены в 8-ю британскую армию), сравнивал эту битву со Сталинградской битвой. Уже после войны маршал Георгий Жуков пожурил легендарного Монти за некорректное сравнение. «Ни в коем случае не желая приуменьшить заслуги английских войск, я все же был вынужден разъяснить ему, что операция в районе Эль-Аламейна была операцией армейского масштаба, – отмечал Жуков в своих мемуарах. – В Сталинграде же действовала группа фронтов, осуществлявшая операцию крупного стратегического значения, вследствие которой крупнейшая группировка немецких войск и войск их союзников была разгромлена в районе Волги и Дона, а затем и Северного Кавказа».

Впрочем, и на Западе люди объективные еще в годы войны понимали разницу между Эль-Аламейном и Сталинградом. «Мы следили за каждодневными перипетиями обстановки в этой войне нескольких дивизий, – писал в вышедшей в 1943 году в Лондоне книге репортажей о североафриканской кампании корреспондент английской газеты «Дейли Геральд» Александр Остин. – И забывали, что русские сражаются с двумя сотнями немецких дивизий. Русский военный корреспондент, посетивший нас, заметил: “Вы ведете маленькую войну, а мы большую”. Это было как раз накануне Сталинграда, когда триста тысяч солдат армий фон Паулюса были уничтожены или взяты в плен».

Но довольно оценок. Давайте теперь посмотрим, как протекали военные действия в Северной Африке до и после Эль-Аламейна.

До Эль-Аламейна

Первый выстрел сделали итальянцы. В роковой для себя день, 13 сентября 1940 года, итальянские войска, находившиеся в Ливии, вторглись в Египет. Формально он был с 1922 года независимым государством, но сохранял «особые» отношения с бывшей метрополией, Великобританией. После капитуляции Франции Муссолини казалось, что Германия уже выиграла войну, и он спешил отхватить свой кусок пирога. «Если Италия желает сидеть за столом мирных переговоров, когда будет делиться мир, она должна вступить в войну и сделать это побыстрее», – заявил дуче 26 мая своим маршалам.

Момент казался благоприятным, а будущий кусок жирным. С запада, из французских Туниса и Алжира, после поражения Франции опасность итальянским войскам в Ливии уже не грозила. Италия держала там четверть миллиона солдат, а англичане в Египте – всего 30 тысяч. Правда, итальянская армия была плохо вооружена и недостаточно мобильна, но Муссолини считал, что гигантский перевес в живой силе гарантирует ему легкую победу.

Египет действительно был жирным куском. Крупная страна с многочисленным населением и богатыми природными ресурсами, не чета Ливии. Мост между Африкой и Азией. Добавьте сюда Суэцкий канал. Для Италии контроль над ним был особенно важен, поскольку в 1935–1936 годах она захватила Эфиопию, где к началу военных действий против Египта все еще находилась 300-тысячная армия, а кратчайший путь ее снабжения как раз и шел через Суэцкий канал.

Воюют, однако, как известно, не числом, а умением. Продвинувшись за несколько дней по территории Египта примерно на сто километров, до местечка Сиди-Баррани, итальянцы остановились. Английская разведка нащупала слабые места противника, и 9 декабря 1940 года «томми» перешли в наступление. Успех оказался ошеломляющим. Итальянцы бежали или сдавались в плен. Через три дня в плену у англичан уже было 39 тысяч человек – больше, чем численность британских войск. Один командир батальона даже заявил, что захватил «5 акров офицеров и 200 акров рядовых». К 8 февраля 1941 года, практически не встречая сопротивления, англичане, на помощь которым пришла из Палестины австралийская дивизия, преодолели около тысячи километров и приблизились к столице Ливии, Триполи, расположенной на западе страны. За это время итальянцы потеряли 130 тысяч человек убитыми и ранеными, а союзники – всего 2 тысячи.

Североафриканский театр военных действий сильно отличался от европейского. Прежде всего – климатом и характером местности. В прибрежной полосе Средиземного моря шириной 60–80 километров, где в основном и шли бои, температура воздуха днем с мая по октябрь превышает 30 градусов, облачность – явление редкое, и солнце нагревает предметы до 70–80 градусов. «Тот, кому довелось хотя бы раз в знойный июльский день посидеть на чердаке дома, покрытого листовым железом, еще может составить себе кое-какое представление о самочувствии экипажей танков и бронемашин в пустыне – на дневном марше или в бою, – пишет польский историк Стефан Чмур в своей книге «Эль-Аламейн. 1942», изданной в переводе на русский язык в Москве в 2003 году. – Приготовить яичницу на крыле автомобиля или на броне танка, а такие сценки нам не раз показывали в фильмах, не представляло трудности».

Дожди на побережье выпадают только поздней осенью или зимой, но подчас довольно сильные. Однажды в конце октября я еле доехал на машине от Александрии до Рашида (Розетты). Прибрежное шоссе после прошедшего ливня местами было сильно подтоплено. Посередине огромных луж стояли заглохшие машины, хлебнувшие выхлопными трубами воду. Я внимательно следил за маневрами идущей впереди легковушки, водитель которой старательно отыскивал места помельче, и не без успеха.

Но все это происходило на асфальте. Пустыня же после дождя превращается в топкое болото, и проехать по ней ни на колесах, ни даже на гусеницах становится невозможно.

В сухую же погоду существует другая проблема. Пустыня покрыта даже не песком, а песчаной пылью. Ветерок с моря дует почти постоянно, и поднятая им пыль проникает практически всюду. Она лезет в глаза, рты, уши. Но особенную опасность представляет для техники и оружия. В годы войны на каждой машине и на каждом самолете приходилось устанавливать специальный воздушный фильтр, но все равно двигатели изнашивались быстрее, чем в Европе. Песок попадал в ходовую часть танков и бронетранспортеров, разрушая ее.

Песчаная пыль демаскировала движение войск. Идущие по пустыне колонны было видно издалека, особенно с воздуха. Их было легко выследить и бомбить.

Значительная часть прибрежной пустыни камениста. По ней можно ездить, но выскакивающие из-под колес камни ударяют о днища и ходовую часть машин и быстро приводят их в негодность. А окопаться в таких местах вообще практически невозможно.

Местность, где проходили бои, преимущественно равнинная, и это создавало проблемы с маскировкой войск. Но встречаются на ней и невысокие холмы, удобные для обороны. Возле них частенько и происходили кровопролитные столкновения.

Неожиданной проблемой для войск стали полчища мух. Они не только изводили солдат, но и служили разносчиками инфекции. В британской армии даже были созданы специальные отряды для борьбы с мухами. Увы, толку от их усилий было немного. Особенно набрасывались мухи на тела убитых.

Одна из главных особенностей североафриканского театра военных действий состояла в том, что он крайне слабо заселен. На территории Египта от Александрии до границы с Ливией есть всего один городок, Мерса-Матрух. В Ливии от египетской границы до Триполи – два города, Тобрук и Бенгази. Причем портовыми городами были только Александрия, Тобрук и Бенгази. Именно через них вооруженные силы противников получали подкрепления, технику, боеприпасы, горючее, продовольствие. Союзникам было проще, поскольку у них в тылу находилась густо населенная долина Нила с ее сельскохозяйственными угодьями и промышленностью. Фашистам же приходилось буквально все завозить из Европы.

Критической проблемой для воюющих была вода. Она ведь нужна не только для людей, но и для техники. Немногочисленные колодцы не могли удовлетворить потребностей войск. К тому же отступающий противник нередко приводил их в негодность, заливая соляной или засыпая солью. В обеих армиях существовали довольно многочисленные отряды, единственной задачей которых был поиск и доставка воды. И все же она практически всегда была острым дефицитом.

Военные действия в Северной Африке могли бы кончиться еще в феврале 1941 года, если бы Черчилль не приказал перебросить самую опытную часть бойцов и большую часть авиации из Ливии в Грецию, у границ которой Гитлер сосредоточил около 600 тысяч солдат. Увы, защитить Балканы от фашистского вторжения это не помогло. Зато более чем на два года продлило североафриканскую кампанию.

Гитлер стремился к мировому господству, а стало быть, и к контролю над Африкой. Но это не означает, что он планировал полную оккупацию Африканского континента. Фашистские стратеги разбили его на три части. Прямое господство рейха предполагалось лишь в Центральной Африке – от Атлантического до Индийского океана. Северную же часть континента гитлеровцы намеревались отдать в колониальное управление своим союзникам – Италии, Испании и вишистской Франции, а контролировать ее через свои военные базы. Из Южной Африки предполагалось изгнать англичан и установить там лояльный Германии режим.

Словом, Гитлер не планировал вторгаться в Северную Африку. Но позорное поражение союзников-итальянцев в Ливии вынудило его сделать это. 3 февраля 1941 года фюрер сказал офицерам своей ставки, что потеря Северной Африки не слишком важна с военной точки зре-

ния, но может оказать сильное негативное воздействие на Италию. К тому же это освободит дюжину британских дивизий. «Мы должны всеми силами помешать этому», – заключил Гитлер.

По приказу фюрера началось срочное формирование Африканского корпуса в составе двух дивизий – одной танковой и одной легкой. Командиром корпуса Гитлер назначил своего любимчика генерал-лейтенанта Эрвина Роммеля. Уже 12 февраля Роммель прилетел в Триполи.

Африканский корпус должен был прибыть в Ливию лишь к концу мая. Но узнав, что Черчилль перебросил лучшие части в Грецию, Роммель решил начать наступление имевшимися в его распоряжении итальянскими войсками уже 31 марта. Командующему сопутствовала удача. Союзники отступили к восточной границе Ливии, к крепости Тобрук. Ее осада войсками «оси» началась 20 апреля и продолжалась 242 дня. Одновременно фашисты с ожесточением бомбили Александрию.

Прибытие Африканского корпуса укрепило позиции фашистов. Но и союзники не дремали. Они перебросили в Ливию подкрепления. Головной болью для Роммеля стали действия британской авиации и флота, базировавшихся на острове-крепости Мальта. Две трети отправляемых в Ливию для войск «оси» грузов уходило на морское дно. В Африканском корпусе возник острый дефицит боеприпасов и продовольствия. И тогда Гитлер перебазировал с восточного фронта на Сицилию 2-й воздушный флот. Его задача состояла в том, чтобы нейтрализовать Мальту.

К тому времени войска «оси» уже были серьезно ослаблены. В ночь на 5-е декабря 1941 года осада Тобрука была снята. Потери фашистских войск превысили 38 тысяч – треть всего личного состава. Казалось, еще рывок – и союзники вновь подойдут к Триполи. Но на этот раз именно они недооценили противника.

Базировавшейся на Сицилии немецкой авиации удалось в значительной степени нейтрализовать Мальту. Это дало возможность итальянцам привести в Ливию крупный морской конвой. Кроме продовольствия, горючего и боеприпасов на борту судов были танки и бронемашин. И Роммель, перегруппировав силы, вновь решил рискнуть. 21 января 1942 года он отдал приказ о наступлении – и не ошибся. Итало-германские войска смяли оборону союзников, захватили Бенгази и опять подошли к Тобруку. 26 мая они начали новое наступление. Упорные бои продолжались почти месяц. 21 июня Тобрук пал. Союзники понесли большие потери и отступили на территорию Египта, к Эль-Аламейну, возле которого была создана оборонительная линия. Над ними нависла угроза разгрома, а над Египтом – итало-немецкой оккупации.

Ситуация становилась критической. «Когда мы подъезжали к Александрии, над городом пылало зарево пожаров, по небу гудели германские авионы, а земля дрожала от гула канонады, и на ней было очень неудобно», – писал русский эмигрант Анатолий Марков в книге «Родные гнезда», опубликованной в Сан-Франциско в 1962 году. В годы войны он, житель Александрии, был офицером связи между союзным командованием и египетским правительством. По словам Маркова, 30 июня 1942 года английский флот и войска были эвакуированы из Александрии, порт и мосты через идущий от Нила канал заминированы.

Эль-Аламейн

Но союзники выстояли. Помогло мудро выбранное главнокомандующим британскими войсками на Ближнем Востоке генералом Клодом Окинлеком место для оборонительной линии протяженностью 65 километров. Ее южный фланг надежно защищала обширная Катарская впадина, лежащая ниже уровня моря. 20 тысяч квадратных километров заполнены там болотами и сыпучими песками и совершенно непроходимы для войск.

Вечером 30 июня Роммель отдал приказ войскам «с максимально возможной скоростью наступать в направлении Каира». Однако фашистские части были измотаны боями под Тобруком и многокилометровым броском к Эль-Аламейну, их обозы отстали. Активно действовала британская авиация. Так что прорвать оборону союзников они не смогли. К вечеру 4 июля на фронте наступило затишье.

«В Каир я прибыл 7 августа, – писал в своих «Военных мемуарах», изданных в Москве в переводе на русский язык в 1960 году, лидер Свободной Франции и будущий президент страны генерал Шарль де Голль. – Атмосфера там была столь же удушливая, как и жара. Общее настроение свидетельствовало о том, что недавние неудачи 8-й армии еще отнюдь не забыты. Хотя продвижение Роммеля уже полтора месяца как приостановилось, он находился в Эль-Аламейне, откуда его танки могли за два часа достичь Александрии. В правительственных кругах, в посольстве, в генеральном штабе – повсюду англичане с беспокойством следили за загадочными действиями короля Фарука и многих видных египтян, которые, по-видимому, готовы были примкнуть к державам оси, в случае если они одержат победу...

Что касается английских военных деятелей, то генерал Окинлек сохранял спокойствие, держался просто, со свойственной ему прямоотой... В Египет во все большем количестве прибывали хорошо оснащенные и свежие английские части, доблестные военно-воздушные эскадрильи, а также отборное военное снаряжение – все это направляло сюда щедрой рукой лондонское правительство в связи с готовящимся реваншем».

В Каире де Голль встретился с Черчиллем. Британский премьер был недоволен действиями главнокомандующего британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке генерала Окинлека, который 25 июня взял на себя и непосредственное командование 8-й армией, защищавшей Эль-Аламейн. По мнению Черчилля, именно Окинлек был виноват в том, что британские войска откатились так далеко на восток. 6 августа он сместил Окинлека с поста главнокомандующего и назначил на его место генерала Гарольда Александера, а на следующий день появился новый командующий и в 8-й армии. Им стал генерал Бернард Монтгомери. Это был твердый и упрямый воин, хорошо показавший себя в боях в Бельгии и Франции, где и обратил на себя внимание Черчилля.

13 августа Монтгомери посетил штаб 8-й армии, располагавшийся прямо в пустыне. «Представшая моим глазам картина могла деморализовать любого, – писал он в своих мемуарах, изданный в переводе на русский язык в Москве в 2004 году. – Место неустроенное: несколько грузовиков, никаких палаток-столовых, работа делается преимущественно в грузовиках или на открытом воздухе под палящим солнцем, везде насекомые. Я спросил, где обычно ночевал Окинлек; мне сказали, что он спал на земле возле своей машины». Монтгомери приказал перевести штаб армии в Бург аль-Араб, маленькое местечко на берегу Средиземного моря, на полпути между Александрией и Эль-Аламейном, где уже размещалось командование британской авиацией.

Сменив командование своими вооруженными силами, Черчилль вылетел из Каира в Тегеран, а оттуда в Москву, где встречался со Сталиным. На обратном пути британский премьер вновь остановился в Каире и 19 августа посетил штаб 8-й армии. Стояла жара, и Монтгомери посоветовал Черчиллю искупаться перед обедом в море. «Его заинтересовала группа

солдат вдалеке, и он отметил, что забавно, что все они носят белые купальные трусы, – вспоминал генерал. – Мне пришлось объяснить ему, что в 8-й армии никто не имеет никаких купальных трусов. Весь день солдаты ходят в шортах и часто даже без рубашек, солнце сделало их тела коричневыми. То, что на расстоянии кажется белыми купальными трусами, на самом деле просто тело, которое не загорело из-за форменных шорт!»

На плечи Монтгомери легла нелегкая задача. Первым делом надо было поднять пошатнувшийся боевой дух войск, убедить своих офицеров и солдат в том, что британская армия сильнее, чем германо-итальянская. Кроме того, новый командующий, прибывший прямо из Англии, должен был проанализировать прежние ошибки своей армии, перегруппировать силы, готовя их к решительному наступлению. «Я тщательно обдумал все, что слышал о танковых сражениях в пустыне, – писал Монтгомери в своих воспоминаниях, – и пришел к выводу, что Роммелю нравилось заставлять нас атаковать его бронетехникой, – он в таких случаях располагал свои танки за щитом противотанковых орудий, разбивал наши машины, а потом свободно выходил на оперативный простор. Я твердо решил не допускать ничего подобного, если Роммель пойдет в атаку до того, как мы подготовимся к собственному полномасштабному наступлению. Я не позволю своим танкам бросаться на него, мы будем стоять на позициях в Аламейне, надежно держать горные хребты Рувейсат и Алам-Хальфа, и пусть он о них бьется. Мы будем вести позиционную войну, и мои силы не сдвинутся с места – его танкам придется идти на наши машины, вкопанные в скрытые позиции на западной оконечности горного хребта Алам-Хальфа».

Так и вышло.

Роммель спешил. «Гитлер гнал все подкрепления и ресурсы на Восточный фронт и считал Северную Африку не более чем досадной помехой, – писал американский историк Сэмюэль М. Митчем в своей книге «Величайшая победа Роммеля», изданной в переводе на русский язык в Москве в 2002 году. – Поэтому Роммель не получил ни одной свежей дивизии. С другой стороны, для англичан Северная Африка оставалась единственным театром, где они сражались с немцами лицом к лицу. Черчилль и его подчиненные – с помощью американских союзников – отправляли войска и снабжение в Египет и Ливию в самую первую очередь. Они не жалели ничего, чтобы подготовить 8-ю армию к сражению. Союзники превосходили Роммеля абсолютно во всем. Их численное превосходство в танках было особенно ощутимым. Но более важным было то, что английские танки по качеству в основном превосходили немецкие».

Роммель прекрасно понимал, что время работает против него. Британские саперы каждый день расширяли минные поля перед передним краем обороны. По данным германской разведки, в сентябре в Египет должны были прибыть 100 тысяч тонн грузов для армии. Подтягивались и подкрепления. Надо было начать наступление как можно раньше.

План Роммеля, произведенного Гитлером в фельдмаршалы за недавнее взятие Тобрука, был таков. На северном участке фронта итальянские войска проводят отвлекающую операцию, а главный удар, в районе холмов Алам-Хальфа, наносят удар немецкие танкисты, после чего поворачивают на север и окружают 8-ю армию. Естественно, удар должен был быть внезапным. Роммель, конечно, не знал, что британская разведка смогла найти ключ к немецкой шифровальной машине, и Монтгомери известно о готовившейся операции.

В ночь на 31 августа фашисты предприняли попытку прорвать оборону союзников у высот Алам-Хальфа. Они были встречены ураганным огнем. Британская авиация господствовала в воздухе. За неделю боев войскам держав «оси» так и не удалось добиться успеха. Боеприпасы и горючее были у них на исходе, и Роммель приказал прекратить наступление.

Создавая у Эль-Аламейна мощный кулак, англичане одновременно вели переговоры с американцами об их участии в военных действиях. Еще в июне Англия и США обещали Советскому Союзу открыть до конца года второй фронт в Европе. Президент Франклин Рузвельт был склонен выполнить это обещание. В Вашингтоне считали, что основной удар надо нано-

силь против главного врага – самой Германии. Иной точки зрения придерживались в Лондоне. Уинстон Черчилль настаивал на стратегии «стягивания обруча»: сначала изгнать фашистов из Северной Африки, защитив тем самым стратегически важные Суэц и Гибралтар, а уж затем через Италию, слабое звено «оси», ударить с юга по Германии. То, что это затянет войну и дорого обойдется Советскому Союзу, британский премьер в расчет не принимал. Рузвельт был вынужден согласиться с ним.

Черчилль рассчитывал на то, что наступление союзников у Эль-Аламейна начнется в конце сентября. Но Монтгомери не спешил. Он считал, что лучший способ победить Роммеля – обескровить его силы в битве за выживание, когда выигрывает тот, у кого больше войск, снаряжения и запасов.

В этом плане союзники находились в значительно лучшем положении, чем державы «оси». У них под боком была Александрия, а коммуникации противника оказались чрезвычайно растянуты. Ближайший порт, Тобрук, находился на расстоянии почти 500 километров от линии фронта, но и его можно было использовать лишь частично, поскольку британская авиация регулярно бомбила этот город. Путь грузовиков до более безопасного Бенгази и обратно занимал 7 дней, а до Триполи – целых 12 дней.

Из-за жары вести боевые действия было легче ночью, а для этого надо было дожидаться полной луны. Монтгомери выбрал ночь на 24 октября и убедил Черчилля в том, что начинать наступление на месяц раньше невозможно.

Британское командование пришло к выводу, что основной прорыв обороны противника целесообразнее осуществить на севере. На южном же участке фронта установили массу макетов машин и прочей техники. Там даже начали строить ложный трубопровод от настоящего водохранилища. Все это должно было создать у фашистского командования впечатление, что основной удар будет нанесен на юге. И действительно, ни немцы, ни итальянцы не обнаружили выдвижение частей 8-й армии на исходные позиции.

Поздно вечером 23 октября 1942 года армия союзников перешла в наступление. Историки приводят неодинаковые цифры численности войск противников, но сходятся на том, что союзники имели по крайней мере двукратное превосходство – примерно 200 тысяч на 100. Тем не менее наступление развивалось трудно. К утру 25 октября войска так и не решили поставленную перед ними задачу – прорвать главную оборонительную линию врага.

Британская разведка донесла, что Роммель перебросил основные немецкие части на север, в район главного удара союзников. И Монтгомери решил, продолжая наступление на севере, перенести его острие на юг, против итальянцев, показавших себя в боях слабее немцев. Вечером 30 октября союзники возобновили наступление на севере, готовясь тем временем к прорыву фронта на юге. Там наступление началось в ночь на 2 ноября. Прорыв удался, британские части ворвались в тыл противнику. Над войсками держав «оси» нависла угроза разгрома. В 19.15 2 ноября Роммель оповестил телеграммой Гитлера, что дальнейшее сопротивление под Эль-Аламейном невозможно. Фюрер ответил в 15.30 на следующий день приказом: «Ни шагу назад!»

«Солдатская психика устроена таким образом, – пишет Стефан Чмур в уже упоминавшейся книге «Эль-Аламейн», – что когда начинается время сомнений, порой достаточно одной неудачи, чтобы от высокого морального состояния войск не осталось и следа. И все указывает на то, что 3 ноября подобные настроения охватили армию Роммеля. Твердая до сих пор оборона стал размягчаться. Раз брошенная мысль об отходе на безопасные позиции застряла в головах, и ее трудно было оттуда вытащить. Всякий, даже совсем незначительный успех 8-й армии мог вызвать цепную реакцию неудач в стане противника и привести к поражению».

Именно это и случилось. Монтгомери бросил в пролом на южном участке фронта танковые части, начавшие преследовать отходящего противника. 4 ноября в 11.15 Роммель уве-

домил Гитлера о том, что отдал приказ об отступлении. Символично, что в этот день попал в плен командир германского Африканского корпуса генерал Риттер фон Тома.

Сражение при Эль-Аламейне германо-итальянские войска проиграли. Потери были очень велики: треть личного состава, больше половины танков. Потери союзников оказались значительно меньше.

5 ноября английские газеты сообщили: «Великая новость из Египта: враг разгромлен, наше наступление продолжается!». Роммель спешно отводил оставшиеся потрепанные части на запад. И, надо сказать, ему везло. «Сильный дождь дважды спасал силы Роммеля от полного разгрома, – вспоминал Монтгомери. – Первый раз – 6 и 7 ноября, когда три наших дивизии “увязли” в пустыне, потеряли способность двигаться, и мы не могли даже доставить им горючее; эта задержка спасла Роммеля от полного окружения в Мерса-Матрухе. Второй раз – 15, 16 и 17 ноября, когда страшный ливень не позволил нашим частям пройти через пустыню в направлении Адждабии, чтобы отрезать врага до того, как он достигнет позиций у Агейлы». Темпы преследования были велики. Через неделю, 11 ноября, войска союзников, преодолев от Эль-Аламейна более 400 км, вступили в Ливию, а на следующий день заняли многострадальный Тобрук.

Тем временем в северо-западной части Африки уже вовсю шла разработанная союзниками операция «Факел». 8 ноября США и Англия начали высадку мощных десантов на побережье Марокко и Алжира. К 1 декабря численность там союзных войск, которыми командовал будущий президент США, генерал Дуайт Эйзенхауэр, насчитывала четверть миллиона человек, и они начали наступление на восток, в Тунис. Войска «оси» оказались в клещах. В североафриканской кампании наступил заключительный этап.

После Эль-Аламейна

И все же для того, чтобы окончательно очистить Северную Африку от фашистов, понадобилось еще полгода. Они окопались в Тунисе и отчаянно отбивали атаки превосходящих сил союзников. Недаром вышедшая в США в 2001 году и год спустя переведенная на русский язык книга американского историка Рольфа Дэвида называется «Кровавая дорога в Тунис».

Почему же дорога в Тунис оказалась столь долгой и столь кровавой? На это было несколько причин. Главная из них состояла в том, что союзники не стали высаживать десант непосредственно в Тунисе. Его основной порт, Бизерта, находится недалеко от Сицилии, где базировалась фашистская авиация, и союзники побоялись, что десантная операция там может обернуться большими потерями. Этим тут же воспользовались Германия и Италия. Уже 9 ноября они начали переброску своих войск в Тунис, где их до этого не было. Страну контролировали французские коллаборационисты, которые подчинялись правительству маршала Петэна, образованного после капитуляции Франции в Виши. К концу декабря численность войск «оси» в Тунисе достигла 130 тысяч человек.

«Мы были вынуждены покинуть Бизерту, когда итало-немецкие войска высадились в ноябре 1942 года и начались бомбардировки, разрушившие город на 70 процентов», – писала в книге воспоминаний «Бизерта. Последняя стоянка», вышедшей в Москве в 1999 году, патриарх русской эмигрантской общины в Тунисе Анастасия Александровна Ширинская. В 1920 году в Бизерту, самый северный город Туниса с отличной бухтой, прибыла русская Черноморская эскадра, экипажи которой отказались служить Советской власти. С тех пор в Бизерте проживала довольно многочисленная русская община. В 1939 году бывшие моряки построили в городе небольшой православный храм свт. Александра Невского, существующий и поныне. По свидетельству Ширинской, в 1942 году он очень пострадал от бомбардировок. Войска держав «оси» использовали Бизерту как основной порт, через который в Тунис перебрасывались подкрепления, оружие и продовольствие.

Другая причина трудностей союзников крылась в том, что их войска, высаженные в Марокко и Алжире, не имели опыта боевых действий. Столкнулись же они с хорошо обстрелянным противником.

И, наконец, сыграли свою негативную роль и особенности местного театра военных действий. Он «ничем не напоминал пустыню, по которой 8-я армия гнала Роммеля», – пишет Дэвид Рольф. Действительно, когда едешь на машине из Сфакса в город Тунис, то сравниваешь пейзаж вовсе не с плоским побережьем Египта и Ливии, а с холмистой Палестиной. Северо-восток Туниса, где закрепились войска держав «оси», покрыт заросшими кустарником невысокими горами, которые очень удобно оборонять. Крутые вadi, русла сезонных селевых потоков, служили естественными противотанковыми рвами. В период дождей по ним неслись бушующие потоки, а дожди в Тунисе, расположенном севернее, чем Египет и Ливия, зимой идут довольно часто.

К середине декабря 1-я британская армия остановилась в 60 км на юго-запад от города Тунис, причем господствующие высоты остались у неприятеля. Линия фронта протянулась с севера на юг, разрезав Тунис примерно пополам. Густонаселенные приморские районы страны контролировали немцы.

Тем временем 8-я британская армия, наступавшая с востока, выбила германо-итальянские войска с рубежа обороны в Эль-Агейле в Ливии и двинулась в сторону Туниса. 23 января 1943 года союзники вошли в Триполи. 4 февраля Монтгомери устроил там военный парад, на котором присутствовал сам Черчилль.

Войска Роммеля отошли в Тунис, за так называемую «линию Марет». Это были старые французские укрепления между холмами и морем, шириной примерно 35 км. Войска держав

«оси» восстановили их и построили новые. От холмов по песчаной равнине к побережью шли многочисленные вадии. Так что преодолеть этот рубеж было непросто.

Англо-американские войска продвигались на восток медленно, буквально на ощупь, понемногу набирая боевой опыт. В середине февраля они получили болезненный удар в районе горного прохода Кассерин и понесли значительные потери.

Удачнее складывались действия 8-й армии. 20 марта она начала наступление на «линию Марет». Лобовой удар сопровождался обходным маневром. Через неделю войска «оси» стали спешно отступать на север. К этому времени Роммель уже покинул Африку.

Генеральное наступление союзники начали в конце апреля. Медленно, но верно они продвигались по всему фронту, тесня противника. 13 мая 1943 года военные действия в Северной Африке полностью завершились. Фашистские войска в Тунисе капитулировали. В плену у союзников оказались примерно 230 тысяч итальянцев и немцев – не столько военнослужащие, сколько многочисленная колониальная администрация Ливии.

За победу союзники заплатили высокую цену. В боях за Тунис они потеряли 70341 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. «Точных данных о потерях немцев и итальянцев нет, – пишет Дэвид Рольф. – Считается, что убитыми они потеряли 8563 и 3727 человек соответственно. К ним следует добавить пропавших без вести и раненых, эвакуированных до капитуляции. Но в целом потери союзников оказались гораздо выше, чем у армий “Оси”». Историки подчас критикуют некоторые решения союзного командования, считая, что они привели к излишним жертвам. Но никому и в голову не приходит написать, что победа пришла потому, что союзники «завалили врага трупами своих солдат».

По всей Северной Африке – от Египта до Марокко – разбросаны военные кладбища союзников. Но такого обширного кладбища, как в Эль-Аламейне, нет нигде. 7367 могил разделены на сектора-батальоны поперечными дорожками. У входа на кладбище – колоннада-кенотаф, на стенах которого выбиты 11945 имен тех, кто в разное время погиб в Северной Африке и чьи могилы не установлены. Ведь, как известно, во время войны хоронят своих только во время наступления... А над братскими могилами немецких и итальянских солдат сооружены внушительных размеров мемориалы. Есть в Эль-Аламейне и военный музей. Его экспонаты рассказывают о противоборствовавших армиях, а во дворе выставлены образцы тяжелой техники того периода. Минные поля в районе сражения до сих пор полностью не ликвидированы и время от времени собирают свою кровавую жатву.

Каждый год в ближайшее к 23 октября, дню начала наступления союзников, воскресенье в Эль-Аламейн съезжаются тысячи людей. Ветеранов сражения среди них все меньше и меньше, но число желающих почтить память погибших все так же велико. Бывшие противники давно примирились, Европа объединилась, и траурные церемонии проходят по очереди на одном из трех основных мемориалов – британском, немецком или итальянском. К подножью мемориалов ложатся венки из живых цветов. К вечеру Эль-Аламейн пустеет, а на следующее утро туда опять обычно приезжают туристические автобусы. Ибо память о той страшной войне передается из поколения в поколение.

Глава вторая

Наши в Александрии

Для жителей Александрии, «северной столицы» Египта, Вторая мировая война началась 12 июня 1940 года. В этот день итальянская авиация впервые совершила воздушный налет на александрийский порт, служивший крупнейшей в Восточном Средиземноморье британской военно-морской базой.

Согласно переписи населения Египта 1937 года, в этой стране проживали 1176 русских, половина из них – в Александрии. Это были эмигранты, осевшие в Египте еще в 1920 году. Советского посольства не было, оно появилось лишь в конце 1943 года. Не было и советских людей.

По крайней мере двое «русских александрийцев» вели во время войны дневник. Автор одного из них – священник Алексей Дехтерёв (2.5.1889, Вильнюс – 19.4.1959, Вильнюс), настоятель храма Св. Александра Невского, чей дневник был опубликован еще в начале 1950-х годов. Знакомство с ним впереди.

Другой дневник вел капитан англо-египетской полиции Анатолий Львович Марков (28.12.1893, Курская губерния – 10.8.1961, Сан-Франциско). Я упоминал о нем в первой главе. Дневник хранится в архиве Маркова, который одна из его дочерей передала в 2010 году Дому русского зарубежья им. А.И. Солженицына в Москве. Узнал я о нем год спустя, когда выступал там с лекцией «Русская диаспора в Египте». Перед зрительным залом в стеклянном шкафчике демонстрировались документы по теме лекции, в основном мои. Но было там и кое-что еще, представленное самими сотрудниками Дома. Дневник Маркова был подлинным сюрпризом. Он представлял собой пухлую папку в 435 листов, текст напечатан на машинке с одним интервалом и с оборотом и переложено вырезками из франкоязычной египетской прессы.

Через несколько дней я вернулся в Дом русского зарубежья и углубился в изучение дневника Анатолия Маркова. Он содержал записи о всех крупнейших событиях Второй мировой войны в целом, в том числе и на Восточном фронте. Однако в дневнике немало информации и об обстановке в самом Египте. В целом свидетельства Маркова о ситуации в Александрии совпадали с описаниями Дехтерёва, но тематика записок офицера шире, чем священника. Так, он упомянул о бомбардировках Каира и зоны Суэцкого канала, описал крупнейшие политические события в Египте и некоторые происшествия в Александрии. Да и язык совсем другой.

Под бомбами фашистов

«Вторник, 22.10.1940. В городе странная психология, все очень тревожатся из-за политики на Балканах и лихорадочно следят за тем, что делают немецкие войска в Румынии, но совершенно не интересуются и не боятся итальянского фронта, который всего в 250 километрах от города, точно он не существует, и итальянцы не представляют собой никакой опасности. Старая репутация итальянской армии держится крепко».

«Вторник, 13.11. Воздушные тревоги в Александрии дважды в день, и залы синема (кино-театров. – В.Б.), показав красный сигнал и выпустив желающую публику, продолжают представление, иначе невозможно работать. Ввиду почти полнолуния итальянские налеты приурочиваются около 8 час. вечера. Бомбардируют порт и Абу-Кир, каковы результаты этих бомбардировок – власти скрывают, хотя несомненно, что каждый раз имеются и убитые, и разрушения».

В воскресенье, 17.11, на Александрию было несколько налетов. «В Рас эль-Тине разбита бомбами школа, мясная и два или три дома, около 30 убитых и раненых; в Абу-Кире в абри (убежище. – В.Б.) задавлено и убито несколько десятков людей и наконец в последний налет пойманный прожекторами аэроплан сбросил все свои бомбы, чтобы удрать, на арабский квартал Кармус вокруг площади Баб эль-Сидра и в районе улицы Эль-Нил. Этот квартал перенаселен и состоит из едва державшихся от старости трех- и четырехэтажных домов. Я был на месте несчастья и видел, что там произошло. Много домов обрушилось совершенно, и под грудой камней и развалин побито все население. В других домах вдоль целых улиц выбиты передние стены и обрушились, уж не говоря о дверях и окнах, в них побита и переранена масса людей. Убитых и раненых надо считать несколько сотен человек, так как огромное число трупов осталось под развалинами, и нужна работа нескольких дней, чтобы их разыскать. Пока вытаснено около сотни трупов, но сколько их еще предстоит добыть».

Понедельник, 25.11. 87-я бомбардировка рано утром. «Бомбардировали исключительно мирное население, не обращая внимания на военные объекты. Бомб было сброшено около 20, причем все в районе, где нет никаких военных целей... Убито 4 человека, ранено до 30. Нападение жестокое, дикое и ничем не оправдываемое, кроме бессильной злобы».

«20 декабря ходил смотреть в Сиди Габер итальянских пленных. Вид у них далеко не боевой и весьма истомленный. Итальянские семьи в Египте уже больше не мечтают о победах, а только о том, чтобы их родные скорее бы попали в плен к англичанам и кончили б с опасностями».

21 февраля 1941 г. Марков записал в дневнике, что 30 января бомбардировкам подверглись Суэц и суда на Суэцком канале. В тот же день проходившее по каналу финское судно разбросало магнитные мины. Канал был закрыт на 9 дней. В записи от 11 марта упоминаются новые налеты на Суэц и отмечено, что Суэцкий канал работает с перебоями.

«Четверг, 19-го июня. За прошедший срок пришлось пережить нам, жителям Александрии, самые сильные ощущения с начала войны. В ночь с 7-го на 8-е немецкая авиация подвергла город бомбардировке, от которой Александрия сильно пострадала и много пережила. Воздушная тревога была подана в 11 часов ночи 7-го, это была по счету СТО СЕМНАДЦАТАЯ тревога. На город налетело до 75 немецких аппаратов, которые бросили бомбы в 16 местах города, главным образом в порту и в районе квартала Лабан, где совершенно был снесен с лица земли квартал проституции, т. н. Кам Букир, или Генина, то же произошло в Табари, Мексе, Минет Эль-Бассан и у нас в Ибрагимие. Огромные мины были спущены на парашютах, которые произвели неопишное разрушение. На Ибрагимие бомбы попали в двух местах – одна на Абукирском шоссе у станции Шелла, разрушила весь квартал, до 20 домов, и перебила массу людей, другая позади нашего дома на улице Гирга разрушила почти всю улицу.

Страшным взрывом, свалившим меня на землю, у нас в доме были сорваны и разбиты в песок окна и сорваны две двери, пострадали почти все русские дома, сосредоточенные в этом районе, однако к счастью квартира, наиболее пострадавшая и совершенно разрушенная, оказалась генеральши Гельмгольц, которая в эту ночь ночевала не дома, а у знакомых, что ее и спасло.

Налет закончился в 1 час 20 утра, после чего мы бросились с тюфяками и подушками провести остаток ночи в большом доме по соседству, где уже ночевали в прошедшие бомбардировки. Не успели перебраться, как была снова подана СТО ВОСЕМНАДЦАТАЯ тревога, начавшаяся в 2.10 и окончившаяся в 5 часов 30 минут утра. Грохот взрывов и канонада были неопишуты, весь город трясся вместе с домами, но к счастью в районе Рамле бомб не было сброшено. Наутро в городе, когда подсчитали разрушения и жертвы, началась паника. Население бросилось спасаться по всем дорогам. За автомобили платили по несколько десятков фунтов, на железной дороге творилось столпотворение. Правительство объявило проезд из Александрии по ж.д. бесплатно, и в первые три дня после бомбардировки 250.000 человек покинуло город. Этому способствовали распушенные кем-то слухи о том, что немцы по радио предупредили, что снесут Александрию с лица земли. Наша семья, потрясенная бомбардировкой, на третий день после бомбардировки также проехала в Джанаклис, где и пробыла неделю для отдыха. Несмотря на 80 верст расстояния, оттуда не только прекрасно слышна, но и видна бомбардировка Александрии...

Паника, охватившая Египет в эту пору, не поддается описанию. Каир оказался совершенно переполненным, цены возросли вдвое, в провинции, которая находится между Каиром и Александрией, все деревни также переполнены, не хватает продуктов, начались от жары, скученности и антигигиенических условий эпидемии. В Александрии жизнь замерла, и половина города представляет пустыню. Убедившись, впрочем, что слухи оказались преувеличенными и немцы Александрии не разбивают, публика к сегодняшнему дню как будто начала успокаиваться и даже понемногу возвращаться в Александрию назад. Во всяком случае, из города больше не бегут. Несколько успокаивает население и тот факт, что Египетское правительство обратилось с официальным протестом в Берлин по поводу бомбардировки в Александрии мирных кварталов. Ходят слухи и о том, что не то немцы, не то итальянцы выразили сожаление по поводу такого количества жертв мусульман. Каково количество убитых и раненых – наверное не известно, так как правительство считает эту цифру в полторы тысячи, народный голос же уверяет, что погибло до 5,000».

«Среда, 25.6.41. Самое огромное политическое событие, прошедшее с момента последней записи (19.6. – В.Б.), затмевает собой все остальное и даже бомбардировки и все связанные с ними ужасы, которые мы переживаем в Александрии. 21-го июня 1941 года в 3 часа 30 минут утра Гитлер объявил войну СССР».

Анатолий Марков, противник Советской власти и профессиональный офицер, эмигрировавший в Египет весной 1920 года, вероятно, понимал, какие последствия может иметь нападение фашистской Германии на Советский Союз. Недаром он назвал эту новость «самым огромным политическим событием». Но исход войны Марков не угадал...

Во вторник 5 августа Марков записал, что очень сильным бомбардировкам подверглись Порт-Саид и Исмаилия. Авиация держав «оси» бомбила также Каир и Даманхур.

Пятница, 22.8. «Налеты на Александрию, Порт-Саид и Суэц все учащаются и становятся все более чувствительными. На неделе теперь бывает не меньше трех-четырех налетов, причем бомбы попадают почти во все кварталы города, но конечно больше всего в район порта.

При луне с вечера, а без луны к утру обычно уже ревет сирена, а затем минут через десять начинается стрельба и бомбардировка. Методы войны на глазах совершенствуются. Так, в городе появились ночные истребители, которые вылетают навстречу неприятеля и вступают очень удачно с ним в воздушный бой обыкновенно над морем вне города. Несколько раз им удалось отогнать неприятеля и не допустить его до города. Почти каждый налет немцы теряют

один-два аппарата, которые сбиваются истребителями. Затем усовершенствовались аппараты слухачи, которые теперь не только не опаздывают подать сигнал тревоги, как раньше, но предупреждают население задолго до бомбардировки, что позволяет тому, у кого нет в доме абри, добежать до ближайшего, чем значительно уменьшается число жертв. Изменились и ночные прожекторы, которые получили возможность как-то то уширивать, то суживать свои лучи. Расширяя луч, такой прожектор один в состоянии покрыть четверть видимого неба.

Публика также начала привыкать к налетам и так или иначе к ним приспосаблиется без заметной паники. За исключением моментов, когда поблизости свистят и рвутся бомбы, люди к налетам и грохоту пушек относятся почти хладнокровно. В квартире, где мы проводим ночи, кроме нашей семьи ночует молодая итальянка с шестимесячным младенцем, который из всего населения квартиры ведет себя спокойнее всех и никогда не просыпается от грохота орудий. Привыкли к бомбардировкам и дети постарше. Дочери мои, не входя в анализ событий, пугаются отнюдь не действительной опасности в лице гудящего над головой аппарата, а больше грохота выстрелов стреляющего рядом орудия.

Как показала практика, новые многоэтажные дома из железобетона выдерживают прекрасно даже прямое попадание бомбы, если, конечно, она нормального размера, т. е. не больше 250–300 кило. Такая бомба, пробив один или два этажа, никаких других бед не творит. Но старые дома, в особенности малоэтажные, рассыпаются от такой бомбы в прах. Зато нет никакого спасения от воздушных мин, спускаемых на парашюте и предназначенных, по-видимому, для военных кораблей и портовых сооружений. Такая махина весом в тонну и больше при прямом попадании разносит все до основания, а при разрыве вблизи вышибает из десятиэтажных домов все кирпичные стенки, оставляя один железобетонный каркас. Силой такого разрыва разрушаются целые кварталы. К счастью, таких громад много не бросают, а из числа брошенных много не разрывается».

Во вторник 16 сентября Марков записал в дневнике, что Каир впервые подвергся сильной бомбардировке. Сброшены 44 бомбы, попавшие в 14 мест. «Как мне сегодня говорил приехавший из Суэца египтянин, этот последний город представляет собой теперь груды развалин – настолько часто и сильно его бомбардируют немцы. Никто из служащих частных компаний ни за какие деньги туда не соглашается ехать на службу».

11 ноября 1941 г. А.Л. Марков записал в своем дневнике: «В Египте правительство продолжает обсуждать внутреннее положение страны в связи с положением, создавшимся благодаря войне, но так как главным образом в стране от кризиса и войны страдает беднота, а чтобы улучшить ее положение, нужно тронуть карман богатых людей, то все проекты и даже декреты остаются на бумаге и не приводятся в исполнение. Так, например, несмотря на то, что вот уже год издан военный закон о том, что все владельцы больших домов обязаны выстроить для своих квартирантов противобомбные убежища, большинство домовладельцев, в особенности из тех, которые сами не живут в этих домах, никаких абри не построили. И вот до сих пор правительство на своих совещаниях переливает из пустого в порожнее, изыскивая будто бы средства заставить владельцев выполнить этот декрет. Весь же секрет заключается в том, что все правительство само состоит из богачей-пашей, владельцев множества домов.

То же самое происходит и с мелким чиновничеством, которому благодаря кризису и дороговизне невозможно существовать. Были созданы вот уже год всякие комиссии и подкомиссии, чтобы выяснить вопрос, нужно ли прибавить мелкоте и рабочим жалования, и хотя все комиссии ответили на этот вопрос утвердительно и рапортовали о том, что прибавка необходима минимум в 40 %, правительство, решившее в принципе прибавить только 10 %, до сих пор в жизнь этого решения так и не привело. То же самое происходит и с спекуляциями над предметами первой необходимости. Хотя существует декрет о предании таких людей военному суду, под суд попадает только мелочь, крупные же спекулянты все находятся под протекцией власть имущих и потому неприкосновенны. Между тем прибавки жалования не только необ-

ходимы, но и вполне возможны, так как египетский бюджет благодаря нахождению в стране английских войск в этом году насчитывает много миллионов избытка во всех отраслях, и денег больше, чем нужно.

Доходит до анекдотов: так например правительство, “идя навстречу интересам народа”, издало декрет о том, что мясо может продаваться только 5 раз в неделю, а остальные два дня должны быть постными. Невольно напрашивается вопрос, а кто же египетскому народу даст мясо в те дни, когда мясо разрешается продавать? Ведь египетский народ на 90 % состоит из крестьян-феллахов, которые едят мясо всего один-два раза в год. Таким образом, этот декрет касается, как и все мероприятия в стране, только имущего класса и городского населения, весьма немногочисленного».

«1 мая 1942 г., пятница. В ночь с 28 апреля в 9.30 вечера Александрия подверглась сильной бомбардировке. Около 40 аппаратов вели около двух часов нападение. Бомбы кроме портовых сооружений, где были зажжены пожары и разбиты склады, попали кроме того на еврейский базар, квартал, именуемый “харет эль-ягуди”, где бомбы разбили целую улицу арабских хат-развалюшек, под развалинами которых впрочем не погибло, кажется, ни одного еврея, а исключительно арабы. В квартале Ком эль-Шугафы, который пострадал уже в последнюю бомбардировку, попаданием бомбы уничтожена арабская зенитная батарея, причем убито 8 человек солдат и офицер. Но самое главное – четыре бомбы почти рядом упали в самый центр города, в районе площади Могамет Али. Одна бомба, упавшая в сквер, разбила и вынесла все двери и окна в большой гостинице “Мажестик”, отведенной под военный постой. Другая прямым попаданием уничтожила еврейскую синагогу рядом, третья также рядом попала на английский солдатский дом, совершенно его уничтожив, и наконец четвертая в ряду влетела в помещение центральной почты, где, хотя и разорвавшись, ничего особенного не сотворила. Любопытнее всего, что англиканская церковь Св. Андрея осталась совершенно целой, если не считать разбитых стекол, между двумя совершенно уничтоженными зданиями синагоги и солдатского дома, стены которых вплотную прилегали к стенам церкви. Это похоже поистине на чудо, как это и было принято народом, без различия вероисповеданий».

Воскресенье, 28.6.42. «Каждому ребенку в Египте известно, что по крайней мере 15 из 16 миллионов египтян спят и видят, что немцы займут страну и прогонят англичан».

Александрия в огне

04.7. «В Египте события за последние дни приняли лихорадочный и трагичный одновременно с тем характер. Укрепления Мерса Матрух были взяты немцами с налету, и восьмая армия, теряя позиции, отступила к последнему перед нильской долиной укреплению Эль-Аламейн, отстоящему от Александрии в 100 километрах. За это укрепление в настоящее время идет решительный бой, долженствующий решить судьбу Египта, а быть может, и судьбу всего Ближнего Востока. Александрия переживает тревожные дни, население в ужасе от мысли, что город станет ареной военного столкновения, и настроено панически, особенно евреи и греки. Все коммерсанты и капиталисты, имеющие средства, бегут из города в Каир, Палестину и даже в Южную Америку; особенную панику создают евреи, которые ожидают для себя от войск акса верную гибель. Консула греческий и американский уехали, оставив за себя в консульствах секретарей. Все кабаре закрылись. Порт и многие военные части, госпитали и штабы также эвакуированы. Все поезда переполнены бегущими из Александрии. Это паническое положение усугубляется тем, что каждую ночь германская авиация бомбардирует Александрию. Бомбы помимо военных объектов попали в последнее время в частные дома на Мохарем-бей, в сад около памятника Нубару-паше и на Мазарит, т. е. в центральные части города.

В порту египетское судно портовой службы взорвалось, попав на мину, причем погиб весь экипаж. На днях офицеров-египтян торжественно хоронили при большом стечении официальных лиц.

Хуже всего то, что ночные бомбардировки начинаются с разрывов бомб, и сирена тревоги начинает выть после того, как пушки уже стреляли и бомбы рвутся, так что весьма вероятно, что пропадешь, не успев добежать до абри.

Вчера, 3-го, и раньше прибыли из Палестины и Сирии части 9-й армии, которые идут на помощь и выручку сильно потрепанной 8-й, которая билась на последних подступах к Египту. По сегодняшним сведениям, свежие части остановили наступление немцев на последнем рубеже. Однако положение, что говорится, висит на волоске. В Каире правительство беспрестанно заседает и находится в постоянном контакте с королем и военным британским командованием, на случай, если фронт будет прорван. В закрытом заседании парламента Наххас-паша (премьер-министр. – В.Б.) сообщил сенаторам и депутатам о тех мерах, которые он принял и принимает, чтобы не допустить ужасов войны в городах и селах Египта. Парламентеры высказались, что они удовлетворены этими заявлениями, однако в чем усилия Наххаса-паши выразились и какие результаты он достиг, неизвестно».

«7-го июля 1942 г., понедельник. Британское командование успело двинуть спешно на помощь 8-й армии части девятой и десятой армий из Палестины, Сирии и даже, как говорят, из Ирана. Эти спешно подошедшие части спасли положение под Эль-Аламейном, где под натиском наступающих немцев был ими сделан уже прорыв. Количественное пополнение, прибывающее теперь с часу на час на ливийский фронт, по-видимому, огромно, так как не только Александрия напоминает ныне военный лагерь, но и, по словам приезжающих из Каира, сплошной чередой войск заполнены все дороги от Суэца и Кантары до Александрии, уж не говоря о Каире, который стал военным лагерем. Если все эти многочисленные войска снабжены в достаточной мере танками и броневиками, то, несомненно, войска Роммеля не только остановятся, но и, вероятно, отступят. Немецкие коммуникации очень растянуты, и его пути связи слишком подвержены нападению британской авиации, которая, по-видимому, в Египте преобладает численно над германской. Во всяком случае, вот уже неделя, как бои происходят у Эль-Аламейна, причем теперь атакуют британские части, а не немцы. Да и вероятно, что немцы после долгих и беспрерывных боев и невероятно быстрого продвижения от Тобрука к египет-

ским границам измотались физически в условиях страшной жары, которая царит в Ливийской пустыне в июле месяце.

С вторника на среду, когда положение считалось критическим, город Александрия принял никогда еще не виданный мною раньше аспект. Со всех стен, не говоря о витринах, исчезли все афиши и буквы V, которыми были испещрены буквально все стены города, и конечно, больше всех об этом старались те, которые когда-то так хлопотали о всех этих символах британской победы, т. е. евреи. Паника достигла своего апогея в особенности потому, что из города исчезли все военные и моряки, а ночью во время короткого налета немецких аэропланов по ним не стреляли даже пушки, что публика приняла за полную сдачу города на волю победителя. Банки и крупные предприятия выдали своим служащим ликвидационные деньги за два, три и больше месяцев, консульства закрылись, порт замер, магазины распродавались, казино и кабаре закрылись и город замер в ужасе в ожидании событий.

Теперь все это переменялось, и город принял прежний оживленный вид, только красочные пятна на стенах домов, где замазаны лозунги и буквы V, говорят о недавнем прошлом. Однако огромное большинство людей, имеющих деньги, как говорится, смотало из Египта удочки, кто в Палестину, кто в Южную Африку, кто и еще дальше, их возвращение вряд ли возможно, так как большинство из них не озаботилось получением обратных виз, а так как все это почти поголовно иностранная для Египта публика, то возвратиться им назад теперь не так просто, да и вряд ли англо-египетские власти станут способствовать этому возвращению».

«Суббота, 11 июля 1942. Вчера утром начался решительный бой на позициях Эль-Аламейна, который надо полагать, так или иначе решит судьбу Египта. Живем здесь, в Александрии, как на передовых позициях, однако город, надо правду сказать, спокоен, несмотря на то, что населен отнюдь не боевой публикой. Авиационные налеты на Александрию происходят ежедневно, или, вернее, еженощно, однако налеты короткие и с результатами для мирного населения неопасными. Ввиду близости фронта вся организация пассивной обороны сильно нарушена. Ар кордоны (истребители. – В.Б.) разбежались, как пишут в газетах, аж до самой Палестины, что же касается сирен воздушной тревоги, то они сделались совсем беспомощными, так как слуховые аппараты не в состоянии из-за близости фронта поспеть и разобрать шум германского аппарата от английского, так что начинают выть уже после того, как сброшены бомбы и начинают стрелять пушки. По этому случаю губернатор Александрии объявил, чтобы население на сирены не надеялось, а пряталось бы в бомбоубежища при первых звуках пушечной стрельбы или разрывов».

Вторник, 03.8. «На днях были сильно бомбардированы окрестности Каира, Аббасия, где расположены казармы британских войск, и аэродром Гелиополиса. Очевидцы, приехавшие из Каира, в том числе русский поп, рассказывают, что после бомбардировки, длившейся с 2 часов утра до 5, начались сильные пожары». «Русский поп» – это священник Алексей Дехтерёв. С его военным дневником я познакомлю вас в следующей главе.

«Среда (так в тексте. – В.Б.), 5-го августа 1942. Ко всему привыкают люди, даже к военным сюрпризам в виде неожиданных взрывов бомб, налетам аэропланов и т. д. Привыкли и мы в Александрии к этого рода сюрпризам. Вокруг города и в самом городе часто совершенно неожиданно грохают страшные взрывы, от которых открываются сами собой двери и вылетают стекла. Публика вскакивает и прислушивается, и если ничего подобного не повторяется, то все немедленно успокаиваются. Потом оказывается, что взорвалась у берега мина, прибитая волной, или бомба, брошенная раньше при налете немцев, а теперь вдруг ни с того ни с сего грохнувшая на весь город. Сегодня, например, было два таких сюрприза. Часов около восьми или раньше, когда мы еще спали, грохнул какой-то взрыв. Так как это случилось при свете дня и больше взрыв не повторился, то все мы перевернулись на другой бок и продолжали спать. Оказывается, произошло следующее: мальчишка арабчонок нашел где-то в песке небольшую бомбу, которую принял за игрушку или мячик. Так как он шел в булочную, то положил свою

находку в сумку. В булочной, купив хлеб, он сунул его сверху бомбы, которая от этого, казалось бы, невинного действия взорвалась. Разнесло всю булочную, уложило на смерть мальчишку и булочника и тяжело ранило находившихся в булочной девочку и женщину.

В 6 с половиной часов вечера другой сюрприз. Жена читала, а я слушал радио. Вдруг весь дом вздрогнул от страшного удара, с треском открылись, зазвенев стеклами, двери. Выскочив на балкон (мы живем на 7 этаже), мы увидели огромный расходящийся вверх столб белого дыма и песка над аэродромом Мохарем-бея. Столб этот, поднявшийся на страшную высоту, показывал, что взрыв был большой силы, что показывает и воздушный толчок, отворивший у нас двери, несмотря на то, что аэродром от нас в трех километрах. Взорвалась крупная бомба, по-видимому, сброшенная немцами в один из ночных налетов и не замеченная в песке.

В Египте каждую ночь, пользуясь луной, немцы бомбардируют аэродромы и военные лагеря. Приехавшие из Каира рассказывают, что в Гелиополисе пострадали и дома, близко лежащие к аэродрому. Одна бомба лежала целый день на базарной улице. Ее во избежание нагревания солнцем обложили льдом. Сильно пострадал аэродром Алмазы. Ночью из Александрии была слышна оттуда бомбардировка и канонада, а через час, когда немцы летели назад, была подана тревога воздушная в Александрии. Города пока что не трогают, если не считать припортовые кварталы».

Четверг, 29.10. «24 октября на египетском фронте британские войска начали наступление. По ночам у нас все стекла звенели и вздрагивали от пушечного гула со стороны пустыни. Если принять во внимание, что Эль-Аламейн, где находится фронт, в 90 километрах от Александрии, то надо полагать, какова же там артиллерийская стрельба, если она ясно слышна на такое расстояние. Официальные сообщения британцев сообщают о прорыве фронта, но не называют никаких географических названий...»

Нежданная находка

Я не сомневался в том, что советское командование внимательно следило за развитием событий в Северной Африке. По крайней мере британское посольство в Москве и наше в Лондоне наверняка сообщали о ходе военных действий. Все-таки англичане – наши союзники! В самих странах региона – Египте, Ливии, Тунисе – советских посольств не было. Но, возможно, был кто-то из наших в Северной Африке, кто сообщал командованию Красной Армии о реальной обстановке на фронте. Конечно, это были не эмигранты вроде Анатолия Маркова или священника Алексея Дехтерёва. А если был, то кто? Об этом я не знал.

В мае 2015 года в нашем Институте востоковедения РАН проходила научная конференция, посвященная 70-летию Победы. Я председательствовал. Дошла очередь до заведующей Отделом Израиля и еврейских общин Т.А. Карасовой. Мы много раз встречались с ней в институте, я знал, что зовут её Татьяной, а вот отчества не знал. Пришлось догадываться. «А сейчас слово предоставляется Татьяне Андреевне Карасовой», – сказал я. «Татьяне Анисимовне», – поправила меня Карасова, подходя к трибуне.

Я заёрзал на председательском месте. Татьяна Анисимовна? Карасова? Не родственница ли она советского офицера Анисима Карасова, находившегося в Египте в конце войны? В перерыве я подошёл к Карасовой: «Простите, пожалуйста, а Анисим Карасов – не Ваш родственник?» «Это мой отец», – ответила Татьяна. Вот это да! Тогда я спросил, не оставил ли он воспоминаний. Ответ был утвердительным. Татьяна Анисимовна сказала, что хотела бы опубликовать мемуары отца, но сейчас это довольно сложно. Я предложил ей напечатать в журнале «Восточный архив», где я главный редактор, ту часть воспоминаний, которая касается Египта. Татьяна согласилась. И через некоторое время я получил от нее довольно-таки большой текст. Но сначала – рассказ моей коллеги о своем покойном отце.

Анисим Васильевич Карасов (15.2.1912, Чита – 19.7.1990, Москва) родился в Сибири. В интеллигентной сибирской семье читали вслух книги по вечерам, а детей обучали иностранным языкам. Хорошим было и школьное образование – там работали учителями бывшие политссыльные. Отец хорошо знал английский язык, что имело решающее значение для всей его последующей жизни.

Судьба моего отца, говорила Татьяна Анисимовна, с позиций сегодняшнего дня удивительна: его бросало в разные края страны и мира, он участвовал во всех войнах и конфликтах, которые вел Советский Союз вплоть до окончания Второй мировой войны. И все это началось сразу после школы, когда в 1928 году его, шестнадцатилетнего комсомольца, командировали на Чукотку в составе экспедиции по ликвидации вспыхнувшей там чумы. А после Чукотки комсомол отправил отца на работу в Бодайбинский золотопромышленный район, где незадолго до этого была ликвидирована деятельность английской концессии «Ленаголдфилдс» и где строили новый комбинат Дальней Тайги треста «Союзлензолото». Перед отцом стояла задача организации геологической разведки. В 1931 году, когда на Дальнем Востоке была проведена дополнительная комсомольская мобилизация в армию, отца, как хорошего наездника, направили на службу в школу кавалерии. Через 7 месяцев – новый поворот: курсантов досрочно выпустили и отправили в Среднюю Азию, в Каракумы, на борьбу с басмачеством, потом служба на Кубани и первое ранение.

В 1930-е годы, когда все яснее проступала угроза фашизма и новой войны, в рамках реорганизации армии многие кавалерийские части расформировывали и отправляли в другие роды войск. Отца направили в Отдельный бронетанковый батальон. Он должен был переквалифицироваться в танкиста. Там, в подробной анкете, и было написано, что отец свободно владеет английским языком. В апреле 1937 года его неожиданно вызвали в политотдел спецвойск

Северокавказского военного округа и дали направление в Москву для выполнения спецзадания. Так для моего отца началась новая война – в Испании. А затем – Китай, Индия, Африка...

О том, что отец Татьяны Анисимовны был в Египте в конце войны, я уже знал. А он, оказывается, приехал в Египет еще летом 1942 года! Словом, обратимся к воспоминаниям Анисима Васильевича Карасова.

Командировка в Египет

«После возвращения домой (из Китая. – *В.Б.*) я поступил и с отличием закончил Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова в Ленинграде, но началась Великая Отечественная война, и мне так и не пришлось поработать врачом. Начало войны застало меня в Крыму, на Керченском полуострове. После оставления нашими войсками Керченского полуострова я с группой генерала Алексеева прибыл в штаб фронта в Краснодаре и здесь мне объявили, что я должен немедленно вылететь в Москву и явиться в отдел кадров Генштаба.

В отделе кадров Наркомата, куда я прибыл 12 июня 1942 года, мне дали предписание явиться в Отдел внешних сношений, где пять дней я заполнял, и на меня заполняли многочисленные документы. О цели вызова не было сказано ни слова. На пятый день меня вызвали к исполнявшему обязанности начальника Генерального штаба Красной Армии генералу А.М. Василевскому. Александр Михайлович Василевский принял меня вместе с представлявшим меня генералом Ф. Евстигнеевым в два часа ночи. Я представился в уставной форме. Василевский обратился ко мне:

- Не забыли ли вы английский язык и где в настоящее время ваша семья?
- Жена на фронте, она военврач, а дочь в эвакуации.

А далее ген. Василевский сказал, что фашистские итальянские и немецкие войска в Северной Африке под командованием генерала Роммеля 26 мая перешли в наступление в Ливии и теснят войска наших английских союзников. Британцы оставили Бенгази и отступают к Тобруку. Гитлер и Муссолини стремятся захватить английские колонии и, в первую очередь, Египет с Суэцким каналом, они далее мечтают завладеть нефтедобывающими странами Ближнего и Среднего Востока, выйти в Индию и там соединиться с японскими союзниками, наступающими из Бирмы. «Нам важно знать действительную обстановку на этом театре военных действий, – подчеркнул Василевский, – а у нас нет дипломатических представительств ни в одной ближневосточной стране, за исключением Турции. Принято решение срочно командировать вас в Египет с тем, чтобы вы разобрались в местной обстановке и объективно информировали нас о положении дел на этом участке войны. Для выполнения этого особого задания вы подходящая кандидатура – у вас есть опыт зарубежной работы и хорошее знание английского языка. Как вы отнесетесь к этому предложению?»

Все сразу прояснилось. Ответил, как полагалось:

- Благодарю за доверие, товарищ генерал, сделаю все, что в моих силах.

– Иного ответа мы от вас и не ждали. Мы понимаем, что ставим перед вами нелегкую задачу, надеемся, что вы с ней справитесь. В Отделе внешних сношений вас ознакомят с необходимыми материалами и подготовят к поездке, в частности, отработают двусторонние условия связи. Вылететь туда нужно как можно скорее. О своей семье не беспокойтесь, мы о ней позаботимся.

Он пожал мне руку и пожелал успеха.

Через несколько дней в три часа ночи с комендантского аэродрома поднялся самолет. На борту я был один. Передо мной длинный путь и необычный маршрут: я лечу в Иран, оттуда в Индию, а из Индии мне нужно будет кораблем или самолетом добраться до Египта».

Из Индии Карасова направили пароходом в Южную Африку, а уже оттуда он добирался до Египта – сначала на машине вместе с англичанами, затем на самолете. О том, что этот советский офицер впервые побывал в Египте еще в 1942 году, я не знал.

Прифронтовая столица

«Подлетая к Египту, мы ожидали, что в Каире нас встретит прифронтовая обстановка и город будет сильно разрушен, – отмечал Карасов. – Но в столице Египта не было никаких внешних признаков войны: шла оживленная деловая жизнь, все учреждение нормально работали. Вечером центральные улицы были ярко освещены. Единственным признаком войны было то, что город был наводнен огромным количеством военнослужащих армий союзников, а штаб английских войск в Каире находился в районе Каср Эль-Дубава на берегу Нила. Английское посольство было похоже на хорошо укрепленную крепость. Оно было обнесено высокой стеной и проволочными заграждениями. Все здания штаба были обложены мешками с песком. Они охранялись солдатами английской части “Королевских стрелков”.

За время поездки по Африке у меня сложились хорошие отношения с [генералом] Ваддингтоном. По прибытии в Каир он помог мне в определении моего статуса в штабе английских войск. С его помощью я получил доступ ко всей официальной штабной информации и право посещать все воинские учреждения и части союзников. В мое распоряжение была выделена штабная машина с шофером, а в поездках меня продолжал сопровождать капитан Гвент. Около двух месяцев, с момента вылета из Москвы и до прибытия в Каир, я не имел возможности регулярно слушать по радио сообщения из Москвы и пользовался информацией о положении у нас на фронте из иностранных газет и радио. По указанию Ваддингтона мне в номер гостиницы установили коротковолновый радиоприемник, и я получил возможность регулярно слушать Москву. Наладилась у меня и нормальная связь с Москвой. Я приступил к своим обязанностям – информирование командования Красной Армии о положении на фронте союзников и обстановке в странах этого театра военных действий.

После моего определения в штабе и оформления необходимых документов и допусков я стал появляться в обществе офицеров союзных армий не только в отеле и штабе, но и в других общественных местах, в том числе в спортклубе Гезира. У меня появилось много хороших знакомых, с которыми можно было свободно обмениваться мнениями о новостях на фронтах Второй мировой войны. Эти беседы с коллегами-офицерами и благодаря регулярно показываемой кинохронике помогли мне за короткое время разобраться в обстановке, что дало мне возможность обстоятельно информировать командование Красной армии о положении на этом театре военных действий. После того, как войска Роммеля нанесли серьезное поражение английским бронетанковым соединениям у Найтбриджа и захватили Тобрук, пополнив свои запасы горючего, захваченного у англичан, немцы почти беспрепятственно двигались на Восток. Английские войска беспорядочно отступали, почти не оказывая сопротивления. 28 июня итало-немецкие войска без боя заняли бывшую ранее английскую позицию у поселка Мерса-Матрух. В штабе для офицеров показывали немецкую кинохронику, которая демонстрировала лавину немецких танков, окрашенных в цвета пустыни, с изображением пальмы на бортах, двигавшихся на Восток. Камера показывала смятые английские артиллерийские орудия, обгоревшие машины и обломки сбитых самолетов. В английском штабе была паника. Многие считали, что для англичан уже все потеряно и готовились к эвакуации: жгли документы и только самые важные из них укладывали в железные ящики, чтобы взять с собой. Ждали передислокацию в Палестину или в Англо-Египетский Судан.

В это время, однако, из поступающих в штаб сведений становилось ясно, что Роммель, сосредоточив все свои силы на захват Тобрука, совершил серьезную стратегическую ошибку: он дал возможность остаткам 8-й британской армии отойти и занять выгодную для обороны позицию у Эль-Аламейна. Три раза 96-я немецкая дивизия при поддержке итальянской пехотной дивизии “Тренто” бросалась в атаку, но все атаки фашистов были отбиты. Бои шли ожесточенные, и положение 8-й армии было чрезвычайно тяжелым. Но 4 июля 1942 г. неожиданно

для англичан Роммель прекратил свое наступление и перешел к обороне. Его войска были до предела истощены и испытывали острую нехватку вооружения, боеприпасов и особенно горючего. С конца мая 1942 г., т. е. с начала наступления, он не получил ни одного солдата, ни одного танка, ни одного орудия. Это объяснялось, в первую очередь, ситуацией на советско-германском фронте, куда были стянуты все основные силы и военные ресурсы гитлеровской Германии.

Полученная передышка дала англичанам возможность укрепить свои позиции и подтянуть резервы. Английское правительство в связи с военными неудачами в Северной Африке приняло решение о смене командующего 8-й армией. Вместо генерала Окинлека был назначен генерал Александер, а вместо командующего 8-й армией генерала Ричи был назначен генерал-лейтенант Монтгомери. 9 августа Окинлек, бывший главнокомандующий английскими войсками, собирался отбыть из Египта, и в его честь был прием, устроенный начальником штаба генерал-лейтенантом Артуром Смитом. Я был в числе приглашенных и там впервые услышал, что американцы и англичане приняли решение о совместных военных действиях в Африке и вместо открытия второго фронта планируют высадку совместных войск в Марокко и Алжире. 8-я армия после ее соединения с высадившимися союзными войсками войдет в 18-ю группу армий. 28 августа я встретился с генералом Ваддингтоном, который подтвердил эти сведения. В начале сентября в Египет уже прибыла американская военная миссия во главе с генералом Максвеллом, а в конце этого же месяца американцы начали в спешном порядке в 20 км на юго-восток от Каира строить большой современный аэродром. Как только аэродром был построен, начала прибывать американская авиация. Одновременно прибыло много английских и американских офицеров, в их числе сын английского премьера Уинстона Черчилля, военный журналист в чине капитана. Это был человек среднего роста, упитанный, несколько угловатый, примерно 35 лет. Конечно, он был на особом положении у английского командования. Он не скрывал своей близости к “Интеллидженс сервис” и дружил с известным английским разведчиком на Ближнем Востоке капитаном Холдеем. Его рабочий кабинет находился непосредственно в разведотделе в штабе английских войск в Каире. Его командировка в Египет была временной, так как сферой его профессиональных интересов были Балканы, и как только стало возможно, он уехал в Югославию и больше в Каире не появлялся».

Бросок на танке

Воспоминания А.В. Карасова небогаты подробностями: сколько лет с тех пор прошло! Но один эпизод он помнил крепко.

«По предложению Монтгомери в составе 8-й британской армии был сформирован бронетанковый корпус, для чего в Египет прибыла бронетанковая дивизия. Ваддингтон однажды пригласил меня поехать с ним на осмотр этой дивизии. Там я неожиданно познакомился с Монтгомери. Когда мы приехали, в дивизии шли полевые занятия и один из танковых батальонов занимался форсированием каньона, примерно трехметровой ширины и такой же глубины. Мы у себя дома на нашем старом танке Т-26, не говоря уже о танке Т-34, такой каньон на большой скорости перескакивали без затруднений. А англичане на своем “Центурионе” сначала его срывали, условно под огнем противника, а затем осторожно спускались в него и на форсированном моторе пытались выскочить из него по крутому скату в 45 градусов, но чаще всего это не удавалось и приходилось снова срывать спуски в каньон. В среднем на эти операции затрачивалось около двух с половиной часов.

Я знал тактико-технические данные танка “Центурион” и предложил попробовать форсировать каньон на большой скорости прыжком, но ни один танковый экипаж не согласился испробовать этот способ. Я предложил Ваддингтону продемонстрировать этот способ, но он заколебался и начал отговаривать меня рисковать. Вдруг за спиной раздался голос: “Вадди, надо попробовать!” Сразу все расступились, и в круг вошел генерал-лейтенант в военно-полевой форме, на вид около 50 лет. Поздоровавшись с Ваддингтоном, он протянул мне руку и сказал: “Я командующий 8-й армией Монтгомери. Мне уже говорили о вас, и я знаю, что вы танкист, что вы сами хорошо водите танк и хорошо стреляете из танка. Ваше предложение мне понравилось. Давайте попробуем. Садитесь в танк командира батальона, поведите его по ровной местности на разных скоростях, а когда освоитесь, я сам сяду с вами в танк”. Обращаясь к командиру батальона, приказал: “Ведите нас к вашему танку!”

Я сделал несколько кругов по полю танкодрома, на большой скорости перескочил через учебный окоп и, подъехав к генералу Монтгомери, доложил, что готов форсировать каньон. Монтгомери попытался влезть в танк, но его отговорили, убедив, что эффективней понаблюдать за формированием со стороны. В танке занял свои места английский экипаж во главе с командиром батальона, а вместо водителя сел я.

Выведя танк на исходный рубеж, я проинструктировал экипаж, как фиксировать свое положение в танке при прыжке и особенно при ударе в момент приземления, затем на предельной скорости вывел танк на высокий край каньона, на поднятом месте я приподнял передок машины примерно на 10 градусов, нас подбросило вверх и танк перелетел каньон. Форсирование заняло около 15 минут, никто из экипажа не пострадал. На исходном рубеже нас встретили аплодисментами. Монтгомери крепко пожал мне руку, сказал: “Теперь я убедился, что вы настоящий танкист и храбрый офицер”. Он попросил меня объяснить водителям танков технику форсирования, что я и сделал на нескольких занятиях. После этого случая я стал пользоваться среди английских танкистов авторитетом, а Монтгомери приглашал меня вместе с представителями всех союзных армий на занятия и учения при подготовке к наступательной операции.

Эль-Аламейн. Операция «Лайтфут»

Наступление 8-й британской армии началось 23 октября 1942 г. Перед этой армией была поставлена задача еще до начала прибытия англо-американских военных сил начать наступление, чтобы сковать действия противника. Кодовое название этой военной операции было «Лайтфут». Перед началом выступления, выполняя инструкции моего командования, мне с группой оперативных офицеров штаба английских войск удалось выехать на фронт боевых действий. Тяжелые бои с армией Роммеля длились до 5 ноября, британцы, наконец, сломили сопротивление итало-немецких войск под Эль-Аламейном и начали преследование отступающего противника. А 8 ноября 1942 г. в Марокко и Алжире началась высадка англо-американских войск. Кроме того, из французской Африки, из форта Лами, французский генерал Леклерк вел через Сахару на соединение с британцами в Ливии французский африканский корпус. Отступая, Роммель пытался сохранить за собой Тунис, как ключ к Средиземному морю. Основная часть 8-й армии осталась в районе Триполи, куда 3 февраля прибыли премьер-министр У. Черчилль и фельдмаршал Брук. В их честь был устроен парад войск 8-й армии, а вечером 4 февраля во дворце бывшего итальянского генерал-губернатора в Ливии, оставленном итальянцами не разграбленным, был устроен прием, на который был приглашен и я.

На этот прием я шел в особо приподнятом настроении: мне только что сообщили из Москвы, что 18 января 1943 г. соединившиеся Ленинградский и Волховский фронты деблокировали Ленинград, что 2 февраля Донской фронт разгромил 6-ю армию Паулюса под Сталинградом, о разгроме немцев на Северном Кавказе и наступлении Красной армии на запад. На приеме англичане говорили только о своей победе под Эль-Аламейном. О победах Красной армии вообще не упоминалось. Черчилль оценил английскую победу под Эль-Аламейном как поворот судьбы в войне, благодарил офицеров за ратный подвиг, который войдет в историю. Затем выступил Монтгомери, который тоже говорил о вкладе этой победы. В заключение он заявил: «Если бы не было Эль-Аламейна, то русские не имели бы такого успеха под Сталинградом и на Северном Кавказе».

Конечно, трудные условия пустыни на этом театре военных действий нельзя сбрасывать со счетов. Мне второй раз в жизни пришлось воевать в пустыне – в первый раз довелось воевать с басмачеством в Каракумах. Здесь, после захвата Мерса-Матруха, я находился в 10-м бронетанковом корпусе, в авангарде британских войск, преследовавших противника. Офицеры, имевшие автомашины, были вынуждены бросить их и пересесть на танки или бронемашину. Двигаться вперед было невероятно трудно: все мосты были взорваны, а дороги заминированы. Питьевой воды не хватало, стояла жуткая жара. А потом внезапно два дня был ливень, и танки застряли в песках, не могли двинуться с места. Понятно, что победа англичан под Эль-Аламейном и последующее наступление в Ливии значительно изменило обстановку для союзников в Северной Африке и на Средиземном море. Флот и авиация союзников могли теперь базироваться на порты и аэродромы в Ливии, что обеспечивало их способность эффективно поддерживать боевые действия по окончательному разгрому итало-немецких войск в Тунисе. Однако эта победа в Северной Африке не шла ни в какое сравнение с военными действиями на советско-германском фронте.

Мы на приеме стояли вместе с французским полковником Жуэном, и на слова Монтгомери о русских я засмеялся. Заметив это, к нам подошел генерал де-Гинган и спросил, над чем мы смеемся. Я привел ему сведения, полученные мною из Москвы, о потерях фашистских войск на советско-германском фронте. Только под Сталинградом потери фашистских войск превысили 800 тысяч человек. И полковник Жуэн заявил, что каждому здравомыслящему человеку ясно, что судьба войны решается не в Северной Африке, и тем более не разгромом

тех сил, которыми здесь располагал Роммель. “Мы ведь знаем, – сказал Жуэн, – что у него под Эль-Аламейном было всего около 80-ти тысяч солдат и офицеров”. А генерал де-Гинган сказал: “Не обращайтесь внимания на Монти, его последнее время часто заносит”».

5 февраля 1943 года Карасов получил распоряжение вылететь в штаб союзных войск на Средиземном театре военных действий генерала Эйзенхауэра. Он простился с 8-й армией и на американском самолете С-47 вылетел в Алжир.

Глава третья

Война – и в Африке война

В январском номере журнала «Азия и Африка сегодня» за 2003 год была опубликована статья А. Бовкало «Русские православные приходы в Африке». В нее были включены выдержки из дневника, который вел в 1940–1942 годах настоятель русской церкви св. Александра Невского в Александрии Алексей Дехтерёв. Судя по выдержкам, населению «северной столицы» Египта в эти годы, когда, что называется, под боком шли военные действия, жилось несладко. Город регулярно бомбила фашистская авиация, было много жертв и разрушений.

Дневник священника

Алексия Дехтерёва я уже упоминал. Педагог, журналист, церковный деятель, этот человек обладал многими талантами. Родился он в Вильно, как следует помотался по свету и в конце концов вернулся в родной город, где и скончался. По образованию штурман дальнего плавания, Дехтерёв, в миру – Александр Петрович, после Гражданской войны оказался, как и многие другие русские беженцы, в Константинополе. Работал воспитателем в гимназии в Галлиполи, а в 1923 году переехал в Болгарию, где больше десяти лет заведовал русским детским домом в Шумене. Написал несколько небольших книг по педагогике, сотрудничал с эмигрантскими периодическими изданиями.

В 1935 году Дехтерёв круто изменил свою жизнь: постригся в монахи в обители преп. Иова в Словакии. Сначала заведовал там монастырской школой, потом был настоятелем Храма-памятника русским воинам в Ужгороде, а в 1940 году направлен Русской православной церковью за границей в Александрию.

В июне 1945 года Египет посетил патриарх Московский и всея Руси Алексий. Дехтерёв обратился к нему с просьбой принять александрийский храм в Московскую патриархию. Большинство прихожан из числа русских эмигрантов поддержали его. Патриарх согласился. Год спустя Дехтерёв получил советский паспорт. И тогда противники перехода церкви в Московскую патриархию обвинили его в коммунистической пропаганде. 29 августа 1948 года священник был арестован египетскими властями и почти девять месяцев провел в александрийской тюрьме Ком эль-Дикка. После настоятельных протестов советской дипломатической миссии в Египте Дехтерёва выпустили на волю, и в мае 1949 года, спустя почти 30 лет после того, как он покинул Россию, священник вернулся на родину.

Полгода Дехтерёв приходил в себя в Троице-Сергиевой лавре под Москвой, а в феврале 1950 года был направлен в хорошо знакомую ему Словакию и назначен епископом Пряшевским. Этот город, известный ныне как Прешов, был и остается крупным центром православия. В 1955 году Дехтерёв вернулся в родной Вильнюс в качестве архиепископа Виленского и Литовского, где и закончил свой многотрудный земной путь.

Словом, судьба Алексия Дехтерёва была мне известна, особенно история с его арестом в Александрии, о которой я подробно читал в документах советской дипломатической миссии в Египте, хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации. Но о дневнике священника времен войны из статьи А. Бовкало я узнал впервые. Автор ссылаясь при этом на книгу М.Т. Зароченцева «Под огненным небом в Египте», изданную в Лос-Анджелесе в 1947 году.

Михаил Трофимович Зароченцев (1879–1963), русский эмигрант, завоевал негласный титул «главный холодильщик Америки». Это он разработал процесс быстрого замораживания продуктов. Но каким ветром занесло Зароченцева в годы войны в Египет? В поисках его книги я обошел все крупнейшие библиотеки Москвы, но так ее и не нашел.

Но раз А. Бовкало цитировал эту книгу, значит, держал ее в руках. Наверно, проще всего найти автора статьи и узнать у него, где находится эта книга. В редакции журнала «Азия и Африка сегодня», с которым я много лет сотрудничаю, есть картотека авторов. Вот там-то, решил я, и можно будет взять адрес и телефон А. Бовкало.

Поход в редакцию не занял много времени, благо она была расположена в том же здании, что и Институт востоковедения РАН, в котором я работаю в последние годы. Но к моему удивлению карточки с координатами А. Бовкало там не оказалось. Тогда я решил найти его через Интернет. В одном из сайтов, посвященных генеалогии, увидел его электронный адрес. Отправил письмо. Нет ответа. Опять написал. И снова не получил ответ.

Казалось, дневник Алексея Дехтерёва мне уже не найти. Но, как это часто бывает, помог случай.

В конце марта 2009 года в Доме-музее Марины Цветаевой в Москве проходила международная конференция «Мир детства в русском Зарубежье». Я выступал на ней с докладом о находившемся в 1920–1922 годах в Египте Донском кадетском корпусе. Его палаточный лагерь располагался на берегу

Суэцкого канала, неподалеку от Исмаилии. Один из докладов назывался так: «Алексей Петрович Дехтерёв – педагог, литератор, богослов». Его подготовила Анастасия Горобец, научный сотрудник Института славянской филологии Венского университета. После доклада я спросил Анастасию, знакома ли ей книга Зароченцева или какая-либо другая публикация дневника Дехтерёва времен войны. Та ответила отрицательно. Но тут слово взяла другая участница конференции, Анастасия Васильевна Копршилова. Она родилась в Чехословакии и всю свою жизнь прожила в этой стране.

– Дневник Дехтерёва вошел в его книгу, опубликованную в Пряшеве в начале 1950-х годов, – сказала она. – Там и фотографии есть египетские. Через неделю я вернусь в Прагу и сообщу вам выходные данные. Но и у меня есть к Вам вопрос.

– Пожалуйста!

– Мой дядя, брат моего отца, Степан Андреевич Вуколов, жил в эмиграции в Египте. Папа с ним переписывался. Но когда папа умер, мы потеряли с дядей связь. Не подскажите ли вы, где найти дату его смерти и место захоронения?

– Это очень просто! Когда-то я составил описание российского некрополя в Египте. Обошел для этого все православные кладбища, просмотрел регистрационные книги, – ответил я. – Приду домой и сегодня же отправлю вам информацию о вашем дяде.

Свое обещание я выполнил. Оказалось, что Степан Андреевич Вуколов скончался 21 ноября 1949 года в возрасте 67 лет и похоронен в «русском склепе» на греческом православном кладбище Шетби в Александрии, о чем я тут же и написал Анастасии Васильевне. Она тоже аккуратно выполнила свое обещание. Через неделю я узнал название книги: «Алексий, епископ Пряшевский. И мир, и безмятежие даруя... Вклад Православной церкви в дело мира. Пряшев, 1950–1951 гг.».

Оставалось всего ничего: найти книгу. Конечно, был запасной вариант: сама Анастасия Васильевна. Книга Дехтерёва явно стояла у нее на полке. Но прибегать к помощи пожилой женщины, живущей в другой стране, не хотелось. Надо сначала попробовать найти эту книгу в Москве.

Поход в Российскую государственную библиотеку, бывшую Ленинку, ничего не дал. Книги там не было. И тогда я вспомнил, что при Московской патриархии существует Синодальная библиотека. Я давно собирался записаться в нее, посмотреть книги, посвященные паломничеству русских людей к святыням Синая, да так и не собрался. Скорее всего книга Дехтерёва там есть. Ведь в последние годы жизни он был иерархом Русской православной церкви.

Синодальная библиотека расположена в старинном Андреевском монастыре, стоящем прямо на берегу Москвы-реки, у начала Воробьевых гор. После кончины патриарха Алексея II в декабре 2008 года ей было присвоено его имя. Небольшое, великолепно оборудованное помещение, электронный каталог. Не прошло и пяти минут, как я держал в руках книгу Дехтерёва. Причем с его же автографом, написанным каллиграфическим почерком: «Дорогому вестнику добра и света Николаю Яковлевичу Рошину на добрую память о наших встречах. 27.XI.51. Епископ Алексей». А еще через четверть часа библиотекарь вручил мне ксерокопию обширного раздела книги под названием «Огненное небо. Александрийская эпопея. Дневник священника. 1940–1942 годы».

Обратимся к дневнику Алексея Дехтерёва. Но прежде – кратко о том, когда и почему появилась в Александрии русская церковь.

«Московы» на берегах Нила

Подданные Российской империи начали селиться в Египте в конце XIX века. Но длительное время так называемая русская община состояла преимущественно из евреев, переселившихся на берега Нила из южных районов нашей страны. Впрочем, для египтян они все равно были русскими, «московами», как было в ту пору принято называть наших соотечественников. Согласно переписи населения Египта 1917 года, число русских составляло 4225 человек. Как утверждал российский вице-консул в Каире С. Зуев в марте 1915 года, «96 % русско-подданных моего округа принадлежат именно к иудейскому вероисповеданию». Примерно такая же картина наблюдалась и в Александрии.

Естественно, что по этой причине русских церквей не было ни в Каире, ни в Александрии. Немногочисленные православные россияне посещали греческие церкви, благо они существовали во всех крупных городах.

Ситуация изменилась с началом Первой мировой войны. На стороне Германии в нее вступила Османская империя, в состав которой входила Палестина. Из-за этого в декабре 1914 года пришлось эвакуировать в Александрию не только евреев с российскими паспортами, но и Русскую духовную миссию в Палестине и находившихся в это время на Святой земле русских православных паломников. Для них российские дипломаты арендовали многоэтажный дом в центре города. В одной из его квартир и была оборудована русская церковь во имя св. Александра Невского.

После окончания войны Русская духовная миссия вернулась в Палестину, но большинство паломников вынуждены были остаться. Октябрьская революция 1917 года и вспыхнувшая вскоре после нее Гражданская война прервали связи Египта с Россией. А весной 1920 года из Новороссийска в Александрию англичане эвакуировали 4350 русских беженцев, в основном раненых и больных военнослужащих Добровольческой армии. После прохождения карантина их направили в палаточный лагерь в Телль аль-Кебире, между Каиром и Исмаилией. Летом того же года часть беженцев вернулась в Крым, остальных же вскоре перевели в другой лагерь, в Сиди Бишр, в восточном пригороде Александрии. Там они находились до мая 1922 года. К этому времени половина обитателей лагеря, люди наиболее активные и образованные, покинула его, нашла себе работу и превратилась из беженцев в эмигрантов. Остальных беженцев отправили в Болгарию и Сербию.

С формированием в Египте эмигрантской общины основанная Русской духовной миссией в Палестине александрийская церковь оказалась востребованной. Появилась русская церковь и в Каире. Ее организовали в помещении Русской поликлиники, открытой летом 1920 года сопровождавшими эвакуированных врачами.

Согласно переписи населения Египта 1927 года, численность русской общины составляла 2410 человек. Но теперь она уже была преимущественно православной: большинство евреев, переселившихся когда-то в эту страну из России, либо интегрировалось в египетское общество и стало гражданами Египта, либо переехало в Палестину и другие страны. Через десять лет русская община сократилась вдвое, главным образом в силу естественных причин. Она была разделена практически пополам между Каиром и Александрией.

Давно замечено, что эмигранты, оказавшиеся к тому же в чуждом им религиозном окружении, тянутся к родному храму, даже если редко посещали его дома. Иными словами, религиозный храм играет в диаспоре интеграционную функцию. А Египет – страна преимущественно мусульманская, и для русских эмигрантов собственный православный храм был не только домом Божиим, но и чем-то вроде кусочка родины, местом встречи и общения. Тем более в таком крупном и многонациональном в ту пору городе, как Александрия. Вот эту-то

александрийскую русскую общину и должен был окормлять Алексей Дехтерёв, направленный Русской православной церковью за границей в «северную столицу» Египта весной 1940 года.

Чужая война

Итак, теперь уже обратимся непосредственно к дневнику Алексея Дехтерёва.

«10 июня. Я уехал на неделю в Каир по делам церкви. Но мне не повезло, т. к. в этот же вечер я узнал об объявлении войны Италией Англии и Франции. И сразу же решил вернуться в Александрию к своей пастве. Труба призывная прозвучала и я должен быть на месте, среди своих прихожан. Ко мне со всех сторон:

– Куда это вы, разве можно теперь ехать в Александрию? Наоборот, оттуда теперь уезжают...

– Не можно, а именно должно теперь ехать, – отвечал я всем, – и поеду! Не удерживайте!..

Однако в эту ночь я не сомкнул вежд; волновали мысли о страшных испытаниях, предстоящих бедной Александрии... Что же это: предчувствие горькой чаши?! Да, предчувствие...

11 июня. Сегодня вечером я покинул Каир. Ехал я в ужасающей тьме южной ночи, да и в купе было почти темно (все стекла в фонарях окрашены в синий защитный цвет). Все станции тоже во тьме, так что это действительно было “путешествие в ночь”.

В купе со мной сидели только мужчины: в сосредоточии, в заметно глубоком погружении в себя... Переживал и я приближение фронта, мне было грустно и тяжело. Но все же, несмотря на всю опасность Александрийской зоны, душой я рвался в свою Ибрагимию, вопреки инстинкту самосохранения. По-видимому, мир духовный настолько выше и сильнее мира душевного, что даже то, что “гибелью грозит”, не только не останавливает, но, наоборот, зовет, торопит, притягивает...

А вот и станция Сиди-Габер, где еще вчера утром провожали меня дети моей квартирной хозяйки: Любочка и Жоржик...

Я вышел на перрон. Ночь. Непроглядная тьма. Ни искры света – из боязни воздушных налетов. Кое-как при помощи карманного фонарика перешел навесной мост и очутился на улице. Здесь я взял трамвай, тоже погруженный во тьму, и благополучно прибыл в свою Ибрагимию.

12 июня. Утром побывал в городе. Пока здесь все спокойно, как будто ничего не предвещает “гнева небес” и “гнева моря”... Оно, море, слава Богу, все еще непорочное, все еще дышит безмятежным покоем... А факты полны тревожного ожидания, полны острого, безлюбного отношения к жизни; газеты разбираются нарасхват...

И вот оно, началось: в пятом часу вечера впервые загудела сирена. В мгновение все улицы опустели. Жутко ожидание: что-то будет? Однако через час прозвучал отбой: ложная тревога...»

Вы, вероятно, обратили внимание на то, уважаемый читатель, что Италия объявила войну не Египту, а Англии и Франции. Казалось бы, что до этого египтянам? Ведь Египет еще в 1922 году был провозглашен независимым государством. Но дело в том, что независимым он был по большей части на бумаге. Страну контролировала бывшая метрополия, Англия. Ее войска стояли в зоне Суэцкого канала, порт в Александрии служил и военно-морской базой. Италия даже не удосужилась объявить войну Египту.

Правда, под давлением англичан египтяне вскоре разорвали дипломатические отношения с Италией, но не более того.

Точно так же обстояло дело и с отношением Египта к Германии. Несмотря на то, что в 1942 году немецкие войска заняли часть египетской территории и рвались к Александрии, Египет объявил войну Германии лишь 26 февраля 1945 года! Это чисто символическое в ту пору решение было принято лишь для того, чтобы в когорте победителей занять место в создаваемой Организации Объединенных Наций.

Для Египта это была чужая война. Его небольшая армия не принимала участия в военных действиях. Когда в 1987 году я впервые побывал в музее в Эль-Аламейне, то был поражен тем, как он устроен. Залы разделены ровно пополам: слева – экспонаты, рассказывающие о войсках союзников, справа – о войсках держав “оси”. Полнейший нейтралитет, непонятный советскому человеку. О позиции самого Египта в этой войне нет даже намека. А к западу от Александрии, в городе Мерса-Матрух, в бывшем бункере Роммеля даже устроен музей.

Да, для советского человека это выглядит странно. Но давайте посмотрим на это глазами самих египтян. Им осточертело многолетнее господство англичан, и многие размышляли так: враг моего врага – мой друг. Да и фашистская пропаганда внушала мысль о том, что поражение англичан принесет Египту свободу. Так что не удивительно, что в Каире даже проходили демонстрации под лозунгом «Роммель, вперед!»

Но это было позже, а пока египтяне с тревогой ожидали возможные жертвы в войне, в которой по существу не участвовали.

«14 июня. Ездил в город, где узнал о занятии немцами Парижа. Только вернулся домой – сирена... Для внешнего слуха – дико неприятная, ужасающая сирена. А ведь по существу – что в ней “неприятного”? Ведь она предостерегает нас от смертельной опасности. Сорок минут длилось томительное ожидание, пока не прозвучал отбой.

Да, мы знаем, что “гораздо большая уязвимость от авиации – приморских жизненных центров”, и что “авиация (Италии) является одной из самых мощных в мире”.

Сорок минут...

Я и дети стояли у окна в столовой, наблюдая, как быстро пустела длинная улица. Опустела она в мгновение ока. И улица наша, и (знаю) весь город как бы вымерли при первых же звуках сирены.

15 июня. Все витрины в магазинах испещрены тонкими полосками бумаги (иные витрины изображают сложные геометрические фигуры): это для того, чтобы от сотрясения воздуха при разрыве бомб не полопались стекла. Некоторые дома, возле дверей и нижних окон, спешно обкладываются мешками с песком. На площадях для чего-то роются окопы...

И это – Александрия! Красавица Александрия!

17 июня. (Записано глубокой ночью). Тревожно и страшно стало теперь жить. И не потому страшно, что на каждом отрезке данного времени возможна гибель, а потому, что эта возможная земная гибель может случиться до завершения всего того, что необходимо еще осуществить. И только потому, что мы Христовы, душа как-то мирится (вернее, смиряется) с возможностью преждевременного (?) ухода.

Особенно жутко по ночам и по вечерам. Страшно человеку в эту пору, потому что так мало человеческого осталось на земле...»

Первые дни необъявленной войны были лишь ожиданием беды. Но беда не заставила себя долго ждать.

Первые испытания

«21 июня. Прекрасный лунный вечер переходил в ночь, когда наконец-то произошло то, чего более всего боялось население города и чего все же не избежало оно: ровно в час ночи загудела сирена, ровно в час ночи началась тревога и закончилась только к семи часам утра.

Почитав немного и приняв душ, я около одиннадцати лег в постель. Но долго не мог заснуть, как бы предчувствуя тревогу... Ведь вот же: все ночи спал хорошо, а на этот раз сон бежал от глаз. Только-только задремал я, как был разбужен и сразу же поднят на ноги разрывами снарядов необычайной силы (но где-то далеко, в порту, решил я). Однако же зловещее гудение аэропланов все близилось, близилось и вскоре буквально загудело над Ибрагимией, прямо над нами.

Начался обстрел из зенитных орудий.

Конечно, на ноги поднялся весь дом, и наша столовая наполнилась жильцами верхних этажей; зазвучала греческая, арабская, французская речь... Кто-то постучался из сада. Я открыл дверь и в коридор буквально хлынул лунный свет. А в пролете – темная, точно вырезанная из картона, фигура Гавриила Яковлевича Е., нашего жильца.

Вскоре все ближе начались разрывы сбрасываемых бомб. Я отчетливо слышал их скрежещущий и глухо свистящий – гудящий полет – падение. Наш дом буквально сотрясало от этих разрывов и от обстрела неба зенитными батареями.

И во весь этот длительный (еще непривычный для нас) период мистически жуткого ночного грохота был явственно слышен не прекращающийся полет аэропланов.

Как только сирена загудела отбой (уже утром) и таким образом завершился наш плен, началась обычная жизнь: запели на все голоса разносчики товаров, выхваливая свое добро; чьи-то куда-то побежали дети (им все интересно посмотреть, лишь бы пустили!); у соседей зазвучало радио; кто-то принялся за выколачивание ковров... Ко всему этому еще и пение птиц в саду. Господи, сколько жизни вокруг, ничем не победимой жизни!

22 июня. Все то же. Кофе, книги, записи... Но и не совсем то же. Прихожанка М. прислала за иконой (понадобилась икона!..), другая прихожанка пришла справиться: будет ли сегодня Всенощная... Зашел член церковного совета Н. провести меня; он необыкновенно грустен от обилия ночных впечатлений, от первого крещения огнем... Сейчас он отправился на рекогносцировку в город: узнать о результатах налета. Обещал еще раз зайти.

Дети занялись оклейкой окон полосками бумаги, усердие их поражает меня. И хорошо, что они занялись делом, отвлекающим от мрачных размышлений и бесконечно трудных, не детских вопросов.

Вернувшийся из города Н. сообщил, что невдалеке от нас разрушены бомбами четыре дома; есть убитые и раненые... Удар был направлен главным образом на порт, но сведения оттуда добыть невозможно.

Всенощная... Молящихся в церкви почти не было (боятся покидать дом), но клир и лик явились в полном составе.

Едва отверз я царские врата и возгласил “Слава Святей”, только подал Жоржик кадило, как загудела сирена. Воздушная тревога. И во весь довольно продолжительный период тревоги своим обычным чередом шла Всенощная.

И десятилетний Жоржик, несмотря на беспокойство, охватившее улицу, спокойно прислуживал мне. Вернулись домой мы еще засветло и я успел побывать в семье К. Там все в расстроенных чувствах от бессонной ночи.

Вечером мы опять пережили тревогу. Все жильцы, что над нами, спешно куда-то уехали.

23 июня. Следующая тревога была уже ночью. Но я не поднимался с постели; вот в этом-то самообладании и заключается столь необходимое приспособление к войне. Нужно пройти

через первичный страх и победить его. Как бы ни было подчас не по себе, жить нужно не меняя своих привычек: только таким путем можно сохранить себя – свою бодрость и свою трудоспособность на продолжительное время. Если быть нам еще и при новой войне, не забудьте этого совета...

24 июня. Посетил один из ближайших пунктов разрушения. Здесь на месте зданий – руины... Жуткое зрелище; гораздо более жуткое, чем предполагал я... Пусть это обыденное зрелище всякой войны – всякого меча и всякого огня. Но в этой обыденности – необыденный знак безлюбивой жизни. Жоржик провожал меня в этой печальной прогулке; его нежная душа содрогнулась от вида этого разрушения...

С сегодняшнего дня в нашей квартире стало спокойнее, т. к. все свободные комнаты заняли жильцы, прибывшие из особо опасных районов города. Сразу же дом ожил, а с этим ожила и надежда, что и на сей раз, по воле Божьей, все образуется, и все трудности и сложности когда-нибудь останутся позади. Все в судьбах человеческих – Божие: и периоды скорби, и периоды радости; и минуты ужаса, и минуты покоя...

26 июня. Александрия напоминает обреченный город. Прежде всего, он значительно опустел. Многие поддались-таки панике (главным образом туземцы) и предпочли страшному городу глухую провинцию. Эта обреченность города сказывается во всем: в сравнительно малом движении, в отправке английских семейств в Палестину (а сколько их было здесь!..), в то и дело караваном уходящих платформах, фургонах и возах с пожитками и, конечно же, больше всего – в вечерней и ночной абсолютной тьме, в раннем замирании жизни...

27 июня. Александрия продолжает спешно перестраиваться. Возле многих зданий появились уже защитные стены из кирпича и бетона. Подводы с вещами все чаще и чаще появляются на наших улицах. Все это – в трогательно наивном, беспомощном порыве самозащиты... Город буквально на глазах преображается, становясь каким-то горестным, теряя последние искры еще совсем недавней жизнерадостности.

Но есть и хорошие стороны в этой непрестанной тревоге сердца: все как-то охотнее и крепче сближаются, ища друг у друга внутренней поддержки; все чаще имя Божие на устах...

3 июля. Побывал на станции. Обычно полупустующий вокзал ужаснул меня сегодня... Огромный поездной состав переполнен до отказа. Места берутся с бою, многие проталкивают свой багаж в окна, да и сами за ним следуют, подталкиваемые сзади услужливыми родственниками. И все же далеко не все разместились: огромная толпа осталась дожидаться следующего поезда. Крик, шум, невообразимая толкотня... Здесь и арабы, и европейцы, но арабов, конечно, подавляющее большинство.

Возможно, что в Александрии осталась всего половина жителей.

Несколько вагонов полны англичанами и их семьями: сегодня эвакуируются жалкие остатки еще недавно огромной колонии.

Когда мне рассказывали о массовом бегстве из Александрии, я не очень этому верил. Все думал: здесь много фантазии, много преувеличения... Но сегодняшнее зрелище панического состояния толпы убедило меня в справедливости рассказов; убедило меня в действительном нахождении города в состоянии беспорядочной эвакуации, в действительном штурме поездов, в действительном превращении перрона и всех вокзальных помещений в сплошное становище кочевников...

4 июля. Короткая утренняя тревога. Дети называли ее “Бэби-тревога”. В соседней греческой семье, на террасе, выходящей в сад, дети играют в мяч и громко смеются. Но особенно много детей в переулке, что позади нашего дома.

Дети здесь (как, впрочем, и всюду) крайне беспечны и совершенно не ощущают, не переживают тревоги пред ежеминутной возможностью гибели. Слишком прочно заложена в них жизнь.

Когда началась тревога, Жоржик прибежал из переулка и сразу же попросил молока. Игра так увлекательна, что не до завтрака... А вот теперь, в антракте, можно и о молоке вспомнить. Это полнейшее отсутствие боязни у большинства детей для нас большое облегчение, большая радость.

6 июля. Утром, когда я служил литургию, над Александрией появились итальянские разведчики. Одна из зенитных батарей дала по ним несколько выстрелов и умолкла: ведь это не были бомбовозы... И я решил: быть налету, и быть вечером...

Так и оказалось: около восьми часов вечера загудела сирена. Вскоре оживленно заговорили зенитные батареи – все ближе, ближе... Небо осветилось прожекторами и вспышками стреляющих орудий – титаническая борьба света с тьмой...

Бомбовозы высоко шли над Ибрагимией, над нашим домом.

Два часа продолжалась тревога.

Все мы собрались в столовой и выключили свет. Так и сидели в полнейшей тьме, изредка переговариваясь друг с другом.

Когда оружейная канонада становилась особенно сильной, совсем близкой, сердце слегка замирало, как бы падало...

Когда же в 10 часов загудел отбой, я вышел на улицу. Всюду роились голубые, синие и красные огоньки ручных лампочек и большие, завуалированные синей или красной бумагой, глаза такси. Все, все тона – прикровенные, все звуки – приглушенные... Шли в одиночку и большими группами, возвращаясь из абри (бомбоубежища. – *В.Б.*) в свои дома. Вели за руку засыпающих маленьких детей. Спешили, видимо, немало взволнованные, чтобы вторичная тревога не застала их еще раз в пути. Это скорбное шествие потрясло меня до глубины души...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.